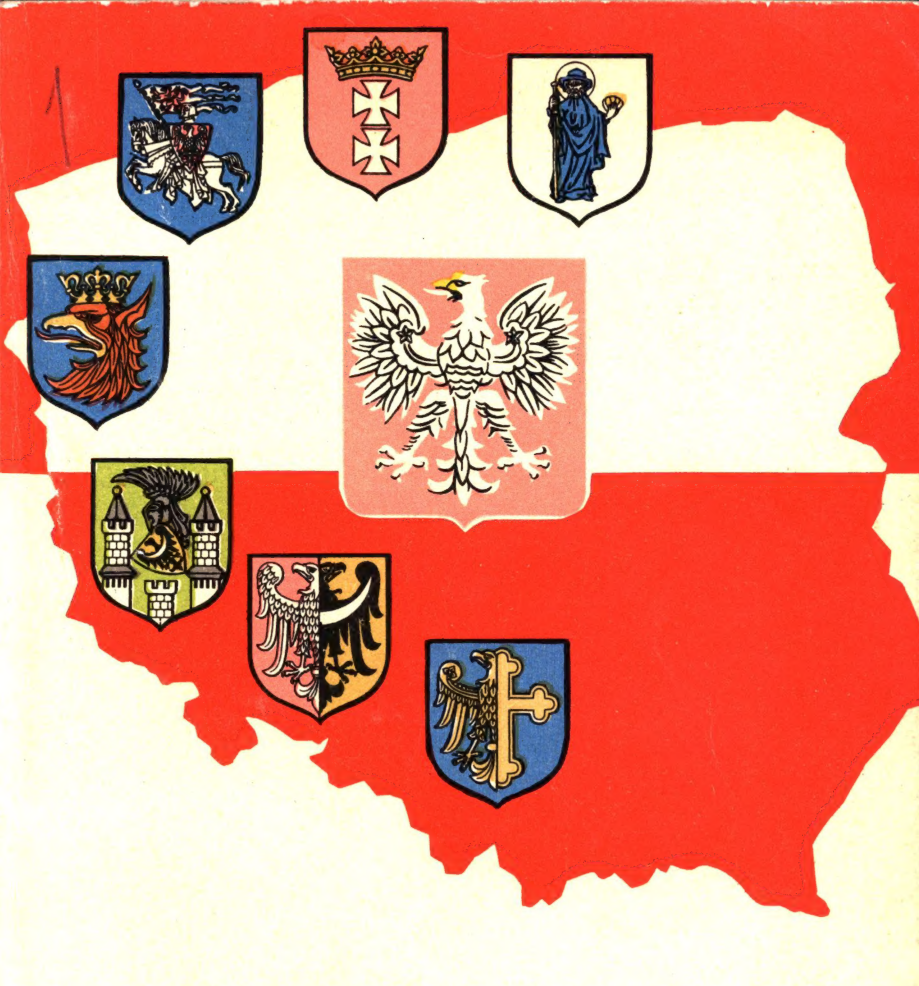

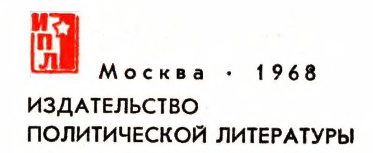
ВИКТОР МАЕВСКИЙ

В землях польских

ВИКТОР МАЕВСКИЙ

В землях польских

Политический репортаж

Москва · 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

32И
М13

Маевский Виктор Васильевич.
М13 В землях польских. (Полит. репортаж).
М., Политиздат, 1968.

128 с. с илл.

В новой книге политического обозревателя «Правды» Виктора Маевского рассказывается о встречах с польскими друзьями, героями борьбы против фашизма, об освоении и развитии западных земель Польши, о границе на Одере — Нейсе — границе мира, о борьбе против реваншистской политики Бонна, об укреплении дружбы и сотрудничества между СССР, Польшей, ГДР и другими социалистическими странами.
Книга иллюстрирована фотоснимками автора.
Читатели, интересующиеся международными вопросами, найдут в книге много интересного.

1—11—3 32И

25—БЗ—14—68

ПАМЯТИ
СОВЕТСКИХ И ПОЛЬСКИХ ВОИНОВ,
ПАВШИХ В БОРЬБЕ ПРОТИВ
ГИТЛЕРОВСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

КУДА МЫ ЕДЕМ

Я всегда испытывал угрызение совести от того, что, побывав более чем в шестидесяти странах, не был в Польше. Каждый раз, когда польские друзья говорили: «Вы, конечно, были у нас», я чувствовал неловкость и давал себе клятву обязательно отправиться в Варшаву. А судьба снова гнала меня то в Каир, то в Сидней, то в Вашингтон.

Летом 1967 года было решено: еду в Польшу. Но разразилась война на Ближнем Востоке, и я очутился в Нью-Йорке на чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи. Только осенью наконец удалось поехать в Варшаву.

До чего знаком по рассказам друзей этот город! Я иду по Маршалковской, сейчас будут Иерусалимские аллеи, вон там, слева, появится шпиль Дворца культуры, справа уже видны громады новых небоскребов. Если пройти прямо, попадешь к театру, за ним — памятник героям Варшавы, а там можно свернуть в новые кварталы бывшего гетто, к остаткам старой тюрьмы Павьяк, или пройти на Замковую площадь, к руинам древнего замка на берегу Вислы, и дальше — мимо костела, где похоронен Генрих Сенкевич, в Старо място, возродившееся из пепла. А если отсюда, с Маршалковской, пойти в противоположном направлении, попадешь на площадь Люблинской унии, можно спуститься в парк, где сидит под ивой Шопен, и увидеть правительственный Бельведер...

Едва я попал на варшавские улицы, как понял, что трудно будет написать о Варшаве. Мои товарищи по

перу описали польскую столицу во всех подробностях. Корреспонденты «Правды» Яков Макаренко и Алексей Луковец годами жили в этом городе, вставшем из руин, сроднились с ним и, конечно, знают здесь каждый камень.

Яков Макаренко прожил в Варшаве в общей сложности 10 лет.

— А знаешь,— говорит он,— на моей совести страшное дело: я сжег Бельведер!

— Да ну?

— Представь себе. Вошел с Красной Армией в Варшаву. Все мертво. Встретил первого жителя, спрашиваю, что делается в городе, как Бельведер. «Сожгли»,— говорит. Я и написал об этом в корреспонденции. Гитлеровцы превратили Бельведерский дворец в конюшню, а когда бежали, подожгли часть здания, но пожар потушили. Приехал я после войны, друзья спрашивают: «Ну, как Бельведер?» «Хорош»,— говорю. Смеются: «А ведь ты сжег его».

Но созидательная черта тем не менее преобладала в деятельности Макаренко: он написал шесть интересных книг о Польше, о ее людях, об их горестях и радостях, о подвиге народа, перенесшего трагедию гитлеровского нашествия. И когда корреспондент «Правды» покидал Варшаву, польская общественность высоко оценила его работу на благо дружбы наших народов.

В номере «Гранд-отеля» мы обсуждаем с товарищами из Союза польских журналистов, который пригласил меня в Польскую Народную Республику, куда ехать, что посмотреть.

— Надо обязательно съездить в Лодзь!

— И в Новую Гуту!

— А в Краков?

— На Балтику.

— В Люблин...

Старая, мучительная история: хочется побывать всюду, увидеть как можно больше, но нельзя объять необъятное, надо выбирать, укладываться в сроки. И мы уточняем маршрут, о котором думалось еще в Москве,— маршрут по северным и западным землям Польши: Ольштын — Гданьск — Щецин — Зелёна-Гура — Вроцлав — Ополе. Заедем также в

Краков, Познань и Освенцим. Это не только маршрут поездки. Это большая тема о землях, которые были возвращены Польше после долгих лет чужеземного владычества, неисчерпаемая тема войны и мира в Европе.

Сегодня на географических картах по-польски читаются названия польских земель: Мазуры, Вармия, Поморье, земля Лубушская, Горный Шлёнск, Дольный Шлёнск. И названия польских городов звучат по-польски, и рек, и озер. Миллионы людей привыкли к этому и не каждый день вспоминают, какой тяжкий путь пришлось пройти польскому народу, прежде чем карта Польши обрела свой нынешний вид, прежде чем были воссоединены польские земли. И на этом пути решающим фактором стала братская дружба народов Советского Союза и Польши, имеющая глубокие корни.

Многое было в более чем тысячелетней истории наших стран. Но века подтверждали непреложную истину: каждый раз, когда наши народы стояли плечом к плечу как равные, как братья, это было им на пользу, они сокрушали любого врага. Каждый раз, когда верх брали чьи-то чуждые народам интересы — будь то царей или шляхты, религиозных фанатиков или цивильных мракобесов, великодержавных шовинистов или буржуазных националистов,— это обращалось в конечном счете против интересов наших народов, на пользу врагам.

Дружба наша выковывалась в совместных революционных сражениях российских и польских демократов и пролетариев против царизма, она закалилась в огне Великого Октября. Тысячи поляков отдали жизнь за революцию, видя в ней путь к национальному и социальному освобождению своей родины. Декларация прав народов России, а затем Декрет Советской власти полностью перечеркнули политику царизма и российской буржуазии в отношении Польши, признали право польского народа на самоопределение и восстановление государственности. Был заложен фундамент для развития дружбы народов Советской России и независимой Польши. Но польская буржуазия предала интересы народа, пошла на сделку с врагами.

Морем крови пришлось расплачиваться польскому народу за это предательство. Гитлер напал на Польшу. В битве против гитлеровских захватчиков погибло более 6 миллионов польских граждан: 222 человека на каждую тысячу. Это в 100 раз больше, чем потери Соединенных Штатов по сравнению с численностью их населения. Почти шесть лет длилась черная ночь гитлеровской оккупации. Все знают, какая судьба постигла бы Польшу, Чехословакию и другие европейские страны, захваченные фашистами, если бы не выстояли под Москвой и Сталинградом советские богатыри, если бы не погнали они гитлеровскую нечисть с советской земли, чтобы добить ее в самом фашистском логове.

И в годы смертельной схватки с гитлеризмом вновь показала свою силу и целеустремленность братская дружба народов наших стран. Сотни тысяч сынов Советского Союза пали смертью храбрых в битве на польской земле, чтобы освободить ее от гитлеровских захватчиков. Более восьми месяцев длилась кровопролитная битва меж Вислой и Одером, неувядаемой славой покрыли себя воины Советской Армии и Войска Польского. Летопись освободительной битвы высечена в граните памятников, что стоят на площадях Варшавы, Кракова, Ольштына, Гданьска, Щецина, Зелёной-Гуры, Вроцлава и сотен других больших и малых городов и селений земли польской. Летопись этой битвы — в уральских танках и пушках, застывших на постаментах, в музейных трофеях, захваченных у гитлеровцев, в снимках и документах, в короткой надписи мелом на стенах познанской цитадели: «Мин нет». В разгроме последнего логова фашизма, во взятии Берлина плечом к плечу с Советской Армией участвовали и соединения Войска Польского.

Конец гитлеровской Германии означал не только освобождение Польши, но и возрождение польского государства в исконно польских границах, включающих северные и западные земли, которые стали неотъемлемой частью Польши в итоге решений Ялтинской и Потсдамской конференций руководителей трех держав — СССР, США и Англии. Западная граница Польши была определена от Балтийского моря чуть

западнее Свинемюнде (Свиноустье) по реке Одер до впадения реки Западная Нейсе (Ниса Лужицкая) и по Западной Нейсе до чехословацкой границы. Польше были возвращены бывший «свободный город Данциг» и польские земли, находившиеся под властью Пруссии.

В 1945 году Владислав Гомулка говорил: «Путь, на который объединенный демократический лагерь Польши вывел польский народ, исходит из двух основных предпосылок. Первая предпосылка нашего пути — это отказ возрожденной Польши от антисоветской политики или поворот польской внешней политики на 180 градусов по сравнению с официальной польской политикой перед 1939 годом. Вторая предпосылка нашего пути — это возрождение Польши в ее пястовских границах по Одеру, Нейсе и Балтийскому побережью».

Сама жизнь подтвердила правильность пути, избранного польским народом, и, оценивая советско-польские отношения за два десятилетия, Владислав Гомулка имел все основания сказать на митинге в Варшаве 8 апреля 1965 года:

«В союзе с Советским Союзом мы завоевали независимость нашей родины, укрепили установленные в Потсдаме новые границы Польши, заняли положенное нам место в Европе и в мире. Опираясь на этот союз, мы подняли нашу страну из развалин и пепелищ, увеличили промышленный потенциал страны по сравнению с довоенным уровнем в 10 раз, добились огромного прогресса в области науки, техники и культуры. Этот союз также служил кровным интересам Советского Союза, укрепляя его безопасность и международную позицию... Польско-советские отношения в течение минувших 20 лет не только принесли нашим странам бесспорно неоценимую политическую и экономическую пользу, но одновременно сблизили народы Польши и Советского Союза, объединили их общей идеей социализма и братства, общей борьбой за мир и независимость всех народов».

Я много слышал о землях на Балтике и Одере. Польские друзья всегда говорили о них с особым жаром, восхищаясь многим, что сделано там; недруги

Польши — с ними не раз приходилось сталкиваться и в США, и в Западной Германии, и в Англии — не упускали случая сказать какую-нибудь гадость. Теперь мне предстояло самому побывать в этих землях, и в Варшаве я постарался повидать коллег, которые хорошо знают проблемы западных земель. Друзья из редакции газеты «Трибуна люду» и в агентстве Интерпресс с готовностью рассказывали мне:

— Западные и северные земли составляют сегодня более трети всей территории Польши, на них живет свыше четверти населения всей страны. Это земли, охваченные бурным развитием: быстро растет промышленность, транспортная сеть, велик размах культурного строительства. Вы увидите, какую созидательную роль играет там молодежь, родившаяся и выросшая на этих землях. Боннская пропаганда все еще пытается дискутировать вопрос о наших землях, но и там начинают понимать, сколь бесплодна такая позиция. Поэтому буржуазная пропаганда сейчас не столько выдвигает претензии по поводу западных земель, сколько делает упор на то, что Запад-де — лучший друг Польши, а советско-польский союз нам, полякам, дескать, не подходит. Эта злонамеренная пропаганда направлена на то, чтобы подорвать основу существования и развития Польши, ослабить наше государство и в конечном счете вновь лишить его исторических границ. Разоблачить всю фальшь такой пропаганды, показать все лицемерие покровителей боннских реваншистов — в этом наша задача...

С помощью польских товарищей все вопросы, связанные с поездкой, были утрясены в один день. Вечером стремительный Станислав, наш друг из Союза польских журналистов, появляется точно в назначенное время со словами:

— А вот и Сташек!

Через пять минут машина уносит нас за Вислу, в варшавское предместье Прагу, на вокзал, и мы отправляемся на северо-восток.

В купе — диваны с высокими спинками, верхних полок нет, на их месте — фотографии Ольштына, каких-то замков, Мазурских лесов, можно сказать, первое знакомство с местами, куда лежит наш путь.

Купе устроены по «западному образцу», такие же в английских, французских и, наверное, немецких поездах. И колея узкая. Но стоит отправиться в вагон-ресторан, как сразу ощутишь ту атмосферу, когда незнакомые люди через пять минут становятся друзьями, и кажется, будто в переполненном и шумном вагоне едет одна семья. В таком же английском вагоне-ресторане стоит тишина, и редкое слово проскользнет между пассажирами.

Мы сели к столику, за которым уже ел немолодой седеющий человек. Когда поезд дернуло и Сташек плеснул кофе — «каву» на пиджак, сосед сказал по-русски:

— Быстро посыпьте солью.

Мне почему-то казалось, что он учитель, и я высказал предположение вслух.

— Не совсем так,— отвечал он,— я профессор.

Выяснилось, что он единственный в Польше профессор, занимающийся проблемами рыборазведения и рыболовства. Мы говорили о рыбе, о сельском хозяйстве, о делах на Ближнем Востоке, вспоминали какие-то анекдоты, но тут выяснилось, что поезд подходит к Ольштыну, ресторан быстро опустел, мы распрощались. Я так и не спросил имя профессора и, вернувшись в купе, досадовал на свою оплошность, когда примчался Сташек, принялся собирать наш скромный багаж и сказал:

— Вы знаете, кто этот профессор? Я только что услышал: это профессор Домбровский, ректор высшей сельскохозяйственной школы в Ольштыне.

— Надо встретиться с ним еще раз.

— Так,— сказал Сташек. Это значило, что встреча состоится, потому что польское «так» не менее категорично, чем русское «да».

Пока в ольштынском отеле оформляют наше вселение, заместитель редактора местной газеты показывает на большую туристскую карту на стене:

— Вот поле Грюнвальда, а вот «Волчья яма» — вы, кажется, хотели туда поехать. Но я думаю, мы прежде побываем в воеводском комитете партии. До завтра!

НАСЛЕДНИКИ КОПЕРНИКА

Ольштын, тихий утренний Ольштын...

Липы вдоль улиц, омытых ночным дождем, подернуты золотом осени, рыжие бархотки горят под окнами домов, где-то мерно звонит колокол. Солнце, пробравшись сквозь сизые облака, бросает луч на серый гранит Памятника Благодарности. Из каменных глыб будто вступают на площадь великаны-солдаты. Это они освободили древний польский город, который немцы превратили в заштатный Алленштейн.

Здесь когда-то жил и работал Николай Коперник. На одной из стен ныне можно увидеть остатки росписи, сделанной великим ученым. Правда, имя его больше связано с другим польским городом — Фромборком, что несколько севернее, на Вислянском заливе. Но ольштынцы свято хранят память о славном соотечественнике.

Приходит час, и тихий Ольштын вдруг преображается: его улицы заполняют школьники. Скачут мальчишки, размахивая сумками, словно саблями; степенно идут девочки в темных халатиках с белыми воротничками; старшеклассники в штанах раструбом не знают, куда деть свои портфели; старшеклассницы заботливо поправляют модные прически, стуча каблучками по брусчатке. Идут в школу, и веселый гомон стоит на ольштынских улицах.

Вместе со Станиславом мы отправляемся в воеводский комитет партии. Он тут совсем рядом. Среди работников комитета есть ветераны, которым было немногим более двадцати, когда после войны они приехали сюда, и им есть о чем рассказать.

Я записываю в блокнот цифры, факты, и за ними встает картина большого, напряженного труда.

Освоение северных и западных земель шло несколькими этапами. На первом этапе главная задача состояла в том, чтобы заселить земли. До войны на территории нынешнего Ольштынского воеводства проживало примерно 900 тысяч человек. После войны осталось всего лишь около 120 тысяч коренных поляков. Многие селения, небольшие городки пустовали. Потом стали прибывать поселенцы с востока,

из Центральной Польши, из-за границы. Создалась этакая «людская мозаика». Нужно было решать простые житейские вопросы: как расселить людей, где обучать детей, как наладить власть на местах. Администрация была совсем без опыта, люди не знали друг друга, и это сказывалось на работе.

Время шло, и надо было решать вторую задачу: восстанавливать разрушенное войной. Западногерманская пропаганда, говоря о здешних районах, любит повторять, что до войны было-де хорошо развитое хозяйство. Но там предпочитают молчать, что все было разрушено на этой земле во время войны: и жилища, и мосты, и железные дороги. Гитлеровцы осуществляли политику «выжженной земли», угнали весь транспорт, вывезли машины с предприятий, взорвали цеха, забрали лошадей, скот. Все надо было начинать сначала.

Были сделаны крупные капиталовложения в промышленность. В сельском хозяйстве взят курс на развитие государственных хозяйств. С тех пор Польша осуществила большие планы. Сейчас население воеводства составляет 970 тысяч человек. Большинство населения, примерно полмиллиона, занято в сельском хозяйстве. Треть пахотной земли воеводства находится во владении государственных хозяйств. Главные отрасли сельского хозяйства — животноводство, производство зерновых, картофеля. На местном сырье развивается промышленность. Разумеется, возникли и новые отрасли: машиностроение, электротехника, начинается развитие химической промышленности.

Экономика развивается бурно, быстро растет население, ежегодный прирост составляет 1,6 процента. Сейчас молодое население воеводства — это почти 480 тысяч. Разница между различными группами населения стирается. В воеводстве — 55 тысяч коммунистов, в объединенной крестьянской партии — 15 тысяч человек, в демократической — 2 тысячи, в Союзе сельской молодежи и Союзе социалистической молодежи 55 тысяч человек, пионеров 50—60 тысяч.

— Что вы считаете главной задачей сейчас? — спрашиваю.

— Главная задача,— отвечают товарищи,— развитие народного хозяйства, подъем производительности труда, улучшение руководства работой. В последние годы производство промышленности превзошло производство в области сельского хозяйства. Создается опасность нехватки сырья. Поэтому обращаем особое внимание на сельское хозяйство, которое создает базу для развития промышленности. Рассказывают, как расширяется добрососедское сотрудничество между Ольштыном и Калининградом. Все чаще бывают в гостях друг у друга делегации рабочих, тружеников села, преподавателей, партийных работников, большие группы туристов. Сотрудничают «Глос Ольштынский» и «Калининградская правда», радио, телевидение, артистические коллективы двух городов. Калининградцы сняли фильм об Ольштынском воеводстве — и это еще одно средство ближе познакомиться с соседями.

— Что советуете посмотреть в Ольштыне?

— Стоит побывать на шинном заводе — это наша главная новостройка.

Шинный завод расположен в новом районе города. Там уже вырос большой жилой массив, строится новое здание издательства. А вот и внушительные корпуса завода. Едем к административному зданию, и нашу «Волгу» швыряет по рытвинам и ухабам так, что я чувствую себя как дома, на подступах к какой-нибудь нашей новостройке: в осеннее время лучше всего добираться к ней на гусеничном вездеходе. Конечно, со временем сделают хорошую дорогу, но сколько раз еще шоферы прибегнут к крепкому словцу, прежде чем это произойдет...

Навстречу нам выходит плотный, лысеющий человек лет сорока, знакомимся:

— Маевский.

— Маевский.

Несколько мгновений смотрим друг на друга, думая, что произошло какое-то недоразумение, потом смеемся: однофамильцы. Ежи Маевский — инженер, координатор работ, секретарь парткома. Приехал сюда из Груденца, где строил шинный завод, образование получил в Торуне. Отца-крестьянина замучили в 1939 году гитлеровцы.

Мы идем по огромным, светлым, но пока еще тихим цехам. Последние приготовления к пуску предприятия. Новый завод — крупнейший в Польше. Его производительность — 2 миллиона покрышек и камер в год, а после 1970 года — 3,5 миллиона. Это один из самых современных заводов, при строительстве которого учитывался технический опыт многих стран. Ежи рассказывает: оборудование — английское, чехословацкое, советское, западногерманское. Строили в Ольштыне, исходя из нужд развития хозяйства воеводства, наличия рабочей силы, выгодных климатических условий.

— Здесь советские товарищи,— говорит мой однофамилец.

Несколько наших специалистов налаживают линию по производству автокамер, созданную одним из ленинградских заводов.

Когда выходим на улицу, откуда-то налетает ватага парней и девушек с лопатами. Пришли из школ, помогают благоустраивать территорию. Я сфотографировал их: посмотрите, какие веселые и задорные наследники Николая Коперника!

Ну, а теперь пришло время отправиться в гости к профессору Домбровскому. Едем в Кортово — ольштынский пригород, где находится основанная в 1950 году Высшая сельскохозяйственная школа, по-нашему — сельскохозяйственный институт. Ректора находим в его небольшом кабинете, и Болеслав Домбровский встречает нас как старых знакомых. Теперь-то уж надо расспросить его обо всем.

Профессор Домбровский окончил сельскохозяйственное училище в Варшаве и позже специализировался в области рыбоводства. Он хорошо говорит по-русски, и я спрашиваю, где он выучил язык.

— Видите ли, это произошло несколько случайно,— рассказывает ректор.— Готовил я диссертацию. Мой руководитель спрашивает: «Какие языки знаете?» Говорю: «Немецкий». «Хорошо,— говорит,— вот вам книги на немецком, вот на русском и вот на английском». «Но я не знаю русского и английского»,— взмолился я. «Ничего, прочитаете». Вот и пришлось учить языки и прочитать всю нужную литературу.

— А когда вы приехали сюда, профессор?

— Давно. Я на Мазурах с 1945 года, когда началось восстановление этого края. Скажу вам: приехали сюда — ничего не было. Можно было пройти целую улицу — человека не встретишь. Приехали в пустые города, все надо было начинать сначала. Продуктов мало, мяса нет, голодно. А рыбу можно ловить. Вот и решили быстро наладить рыболовство — озер здесь, как вы знаете, множество. В марте организовали совхоз из польских рыбаков. Снастей — никаких. Кое-как раздобыл необходимое, под Варшавой оказалась одна-единственная фабрика, которая смогла нам помочь. В мае уже ловили рыбу. Когда дело было налажено, перешел я на работу в научно-исследовательский институт, вернулся к рыбоводству — эта кафедра здесь, при школе. Теперь ректор. У нас ректоры избираются, вот три года и придется мне потрудиться в этой должности.

Спрашиваю, что было раньше в городке. Домбровский медлит с ответом:

— И не спрашивайте лучше. При немцах здесь был дом для умалишенных. Наши остряки до сих пор прохаживаются по этому поводу. Но, откровенно говоря, тут не до смеха. Когда мы пришли сюда, то обнаружили, что гитлеровцы, удирая, приказали прикончить больных; часть из них, видимо, бежала, а многих убили: мы нашли сделанные наспех захоронения...

Кто знает, как сложились бы судьбы миллионов людей в Европе, если бы Адольф Гитлер своевременно нашел пристанище в доме для умалишенных в этом ольштынском пригороде. Увы, в Германии не оказалось врачей, которые отправили бы туда бесноватого ефрейтора, и какую страшную цену пришлось платить за упущения германской медицинской службы!

Домбровский рассказывает об институте:

— У нас пять факультетов: агрономический, зоотехнический, технологии мясной и молочной промышленности, ветеринарный, геодезический. В школе около 4,5 тысячи студентов, 3 тысячи — на стационаре, остальные — заочники. 2 тысячи студентов живут в общежитиях. Власти говорят: больше моло-

дежи — хорошо, берите больше студентов. Но беда в том, что брать их некуда: не хватает аудиторий, лабораторий, жилья. Строим новые корпуса, и все не хватает. Растем, значит.

— Кто идет в институт, какой уровень молодежи?

— Люди разные,— говорит профессор.— Многие приходят из деревни, из небольших городов. Иной раз со слабой подготовкой. Стараемся привить студентам навыки самостоятельной работы, дать знания. Важно хорошо знать свое дело. Слыхали анекдот про молодого профессора, который принимал экзамен?

— Расскажите, пожалуйста.

— Молодого профессора попросили принять экзамен по зоологии, а он специализировался в другой области. Берет он чучело птицы и, закрыв его, показывает студенту только хвост: «Что это за птица?» Тот не знает. «Дайте зачетку!» Студент бежит из кабинета, профессор кричит вдогонку: «Как ваша фамилия?» «Узнайте по хвосту»,— отвечает студент, захлопывая дверь. Шутка, конечно, но суть ясна: надо быть специалистом. Но есть и другая сторона дела.

— А именно?

— Политическая, идеологическая, культурная работа,— говорит Домбровский.— Нам, людям старшего поколения, коммунистам, не безразлично, каков кругозор молодежи, что она думает, как живет. Есть у нас объединение польских студентов. Оно занимается вопросами помощи студентам, помогает найти приработок, организует культурную работу. В каждом студенческом общежитии есть клуб, администрация не вмешивается в жизнь общежитий, распределение жилой площади, организацию культурного досуга. Политической работой среди молодежи у нас занимаются Союз сельской молодежи, который объединяет выходцев из села, и Союз социалистической молодежи, в который входит городская, рабочая молодежь. Вы можете спросить, зачем нам два союза? Откровенно говоря, на это не так просто ответить. Политическая программа у союзов одна и та же, воспитание и в том, и в другом направлено на то, чтобы человек стал настоящим коммунистом. Но есть разница, так сказать, в профессиональном уклоне. В политехническом институте,

из которого специалисты пойдут в промышленность, главную роль играет Союз социалистической молодежи. Выпускники нашего института будут работать на селе, поэтому у нас активно действует Союз сельской молодежи.

Мне показались интересными некоторые детали работы Союза сельской молодежи в институте. Организуются дискуссии, студенты обсуждают различные проблемы, пишут рефераты. Во время каникул едут в деревню, создают там лагери, занимаются исследовательской работой, собирают материалы, касающиеся положения в сельском хозяйстве. Например, кафедра экономики сельского хозяйства создала специальный лагерь, в котором занялись изучением вопроса о том, как молодежь деревни, в том числе из частного сектора, собирается устраивать свое будущее, уйдет или не уйдет она в город.

В Польше, как и в ряде других стран, молодежь покидает деревню. Во многих семьях, имеющих свои наделы, остаются лишь старики, землю некому обрабатывать. Такой хозяин, если хочет, может передать свой надел государству, получить пенсию. Местной администрации, конечно, важно знать, сколько хозяйств отойдет к государству в ближайшее время. Это необходимо для дальнейшего планирования в сельском хозяйстве. И вот студенты ведут такую исследовательскую работу. Это большая школа общения с людьми; если возникают какие-то конфликты между односельчанами, студенты помогают уладить их, дают советы, связанные с хозяйством, и, разумеется, сами учатся многому на практике.

— Путь решения проблемы сельского хозяйства у нас — это, я думаю, путь госхозов,— говорит Домбровский.— Здесь, в Ольштынском воеводстве, немцы имели крупные хозяйства. Сейчас треть пахотной земли у госхозов. Государственный земельный фонд расширяется, многие единоличники отдают землю государству: зачастую ее некому обрабатывать. Мы хотим сделать так, чтобы наша молодежь оставалась в сельском хозяйстве, хотим создавать деревни-города со школами, кинотеатрами, больницами, кафе. Да, кафе. Это серьезное дело. В последние годы в каждой большой деревне создано кафе. Раньше в де-

ревнях пили много водки. Почему? В частности, и потому, что не было места, где встретиться, поговорить, песни попеть. А в клубах-кафе можно встретиться с друзьями, попить кофе, сыграть в шашки, побеседовать. Водку не продают. Люди пошли в эти кафе...

Средства на содержание клубов обеспечивает польская организация «Рух», которая занимается продажей газет, журналов, книг, всякого рода необходимых мелочей. Киоски этой организации находятся буквально в каждой деревне, во всех городах, на многих предприятиях. Это очень разветвленная сеть, в которой работает много народу и которая, как утверждают, не только окупает себя, но и дает прибыль.

Речь заходит об урожаях — как не обсудить этот вопрос, когда беседуешь в сельскохозяйственном институте.

— Для развития животноводства мы потребляем много зерна,— говорит профессор,— поэтому у нас ощущается некоторая нехватка зерновых. Чтобы преодолеть ее, нам нужно, видимо, вместо ржи культивировать пшеницу и, конечно, повысить производство за счет внесения большего количества удобрений. Сейчас мы вносим примерно 90 килограммов на гектар. Через некоторое время дойдем до 150 килограммов. А в Бельгии, Англии на гектар потребляется 300—400 килограммов удобрений, как видите, большой разрыв. На землях нашего института — это 4 тысячи гектаров — мы вносим по 150—200 килограммов удобрений, намного больше, чем в наших деревнях. Всегда говорили, что в этом районе нельзя получать хорошие урожаи хлеба: много дождей. Мы опровергли это, получаем неплохие урожаи. Кроме того, даем семенной картофель, который закупают и Голландия, и Бельгия. У них картофеля много, но он нестойкий, быстро портится. Они берут семенной картофель у нас, чтобы поддерживать качество своего картофеля.

В гости к ольштынским сельскохозяйственникам приезжали студенты из Донецка и из Москвы, и Домбровский замечает:

— Донецкие ребята говорят: большим у вас счи-

тается хозяйство в 2 тысячи гектаров. А у нас 40 тысяч. Конечно, разный размах, разные проблемы. Я думаю, что нам нужно обмениваться опытом с вашими районами, которые более или менее близки по структуре хозяйства к нашему воеводству. Например, с Литвой, Латвией — да они и ближе.

Мы едем по городку, и ректор показывает растущее институтское хозяйство. Под сенью вековых лип стоят старые корпуса; видно, пришлось их «латать» после войны, достраивать и перестраивать. Поднялись новые учебные здания, общежития, построен стадион. Должно быть, хлопотно профессору Домбровскому заниматься этим хозяйством, но надо: институт в Кортово, несомненно, стал одной из важных баз развития сельского хозяйства не только в Ольштынском воеводстве.

— Последний вопрос, профессор: вы не родственник Домбровского, который принимал участие в Парижской коммуне?

— Я — нет,— улыбается ректор.— Но брат моей жены — внучатый племянник генерала Домбровского, хотя фамилия у него другая. Его дед по матери был братом генерала Домбровского. А отец — Казимир Петрусевич — принимал участие в I съезде РСДРП в Минске[1]. Так что у моего шурина не было другого выхода, кроме как стать революционером, и перед войной он сидел в тюрьме за принадлежность к Коммунистической партии...

Вот и пришло время расстаться с приветливым и остроумным хозяином.

— Спасибо, профессор!

— До видзеня! До новой встречи!

— В Варшаве или Москве. До свидания!

Нас пригласили побывать вечером в Ольштынском клубе творческих работников. Часов в девять, когда кажется, что Ольштын уже спит, мы со Сташеком идем по пустынным улицам в клуб, неуверенные, что застанем там кого-нибудь. Но клуб переполнен, играет оркестр, молодежь танцует, старшие сидят, беседуя о каких-то своих делах.

---

[1] К. А. Петрусевич был участником съезда как представитель екатеринославского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Среди польских друзей старый знакомый — редактор местной газеты, журналисты, самый разнообразный народ. Люди расспрашивают о наших делах, рассказывают о себе, и раскрывается еще одна сторона жизни тихого Ольштына.

Ришарду было 15 лет, когда гестаповцы схватили его в Варшаве и отправили в Освенцим. Ришард закатывает рукав, и я вижу на его руке черный номер 12610. Я боюсь бередить его душу расспросами о том, что было: видно, как он волнуется. Но Ришард не может молчать и вспоминает, вспоминает:

— Русские помогли мне тогда. Был там капитан Леонид, фамилии его я не слышал, удивительный был человек. Все знал, все мог рассказать: что делается на фронте, что будет. И силы был необыкновенной, поднимал огромные бочки, немцы боялись его. Леонид. Не слыхали?..

Старик-наборщик, что сидит рядом,— не кто-нибудь, а бывший рядовой его величества императора лейб-гвардии Литовского полка, служил в Царском Селе.

— Стою, бывало,— говорит он,— на посту, а великие княжны шуршали мимо, а я смотрел на них.

Супруга его улыбается: дескать, знаем мы этих «великих княжен». Старик спрашивает:

— А вы заметили, что пан редактор сегодня лучше говорит по-русски?

Да, он сегодня произносит фразы медленно, но почти безошибочно: оказывается, наборщик «целый день» давал уроки пану редактору.

Какого-то невысокого полного человека в очках все встречают радостными возгласами и приглашают за стол: «Просим, пан доктор!» Это зубной врач. Газеты только что сообщили, что в Польшу приехала с визитом группа американских дантистов, кто-то шутит:

— Не останется ли пан доктор без работы?

— Не страшно. Они там все машинами делают, но мы руками лучше...

Царит здесь какая-то веселая, непринужденная обстановка, и, признаться, я завидую этому умению наших польских друзей отдыхать.

ОТ ГРЮНВАЛЬДА ДО «ВОЛЧЬЕЙ ЯМЫ»

Мазурские дороги привели нас к огромному серому валуну, на котором высечено: «Поле Грюнвальда». Здесь, на этих зеленых холмах, в 1410 году произошла знаменитая Грюнвальдская битва, которая навсегда подорвала силы Тевтонского ордена. После Невской битвы 1240 года и Ледового побоища 1242 года, когда Александр Невский нанес сокрушительные удары «псам-рыцарям», крестоносцам довелось изведать силу польского, русского, литовского оружия.

Дорога ведет к вершине холма, на котором стоит памятник грюнвальдской победы. Неподалеку — врытое в землю, словно дот, здание музея; с его крыши, превращенной в ступенчатый амфитеатр, можно в деталях рассмотреть огромную каменную карту сражения: вот здесь полки крестоносцев, а там — польская армия, русско-литовские полки, султанская конница. И не трудно представить себе все это на огромном зеленом поле, на холмах, уходящих к перелескам и деревням.

Если спуститься в музей, увидишь мечи и пики далеких времен, одежды крестоносцев, описания сражений. А когда в небольшом кинозале гаснет свет, экран переносит нас на 556 лет назад, в гущу битвы, и мы рядом с польскими воинами, среди русских богатырей земли смоленской. Вот что говорится в польской хронике Я. Длугоша: «В этом сражении лишь одни русские витязи из Смоленской земли, построенные тремя отдельными полками, стойко бились с врагами и не поддались бегству. Тем заслужили они бессмертную славу. И если один из полков был жестоко изрублен и даже склонилось до земли его знамя, то два других полка, отважно сражаясь, одерживали верх над всеми мужами и рыцарями, с какими сходились врукопашную, пока не соединились с отрядами поляков».

Возможности кинематографа безграничны — через несколько минут мы на Грюнвальдском поле в тот час, когда открывают новый памятник. Здесь собрались сотни тысяч поляков со всех воеводств, гости из разных стран. Четко шагают в воинском строю

потомки тех, кто сражался на этом поле за свободу польской земли, гремят залпы салюта, вихрем проносятся над головой сверхзвуковые самолеты польских военно-воздушных сил.

Это перекличка веков, перекличка поколений.

И не случайно в грюнвальдском музее на каменной стене, под которой лежат повергнутые в прах знамена с крестом и свастикой, значатся великие даты польской истории: 1410 и 1945.

Школьники приехали сюда автобусом, проходят по залу, слушают рассказ учительницы и, должно быть, чувствуют себя неотъемлемой частью истории: они родились на этой земле в свободном польском государстве.

Так было не всегда.

Грюнвальдская битва на несколько веков спасла Польшу от немецкой агрессии. Но наука не пошла впрок потомкам тевтонских рыцарей, стремившимся к захватам. И чего только не пришлось еще пережить полякам на земле, отторгнутой захватчиками!

Мы едем в деревню Крутин, чтобы повидаться со старожилом Мазурского края Каролем Маллеком. Везет нас один из руководителей ольштынского Общества польско-советской дружбы Юзеф — свой человек в этих местах, веселый, неутомимый рассказчик.

— Вы слыхали про Яна Новицкого? — спрашивает он, и мы узнаем историю поляка, который пошел в белорусские леса, чтобы отомстить гитлеровцам за гибель родителей, сражался в партизанах, взрывал эшелоны, был награжден орденом Красного Знамени. Указ о награждении вышел в 1948 году, стали искать Новицкого, а он как в воду канул. В Белоруссии его не было, кто-то сообщил, что он в Польше. Обратились к польским властям — долго не могли найти никаких следов. Наконец обнаружился след бывшего партизана. Оказалось, ходит он из деревни в деревню: в мешке — плотницкий инструмент да гармонь. Днем работает — кому не нужно починить или сделать что-нибудь? А вечерами берет гармонь, играет, поет русские и польские песни, и всегда вокруг него молодежь, всем он нужен.

— Почему не женился? — спрашивают Яна, а он отвечает:

— Я боролся за свободу и хочу быть свободным.

— Почему ты не в госхозе, не с коллективом?

— А я нужен не одному госхозу. Я помогаю крестьянам везде, и всегда с людьми. Только не могу сидеть на одном месте, привык к походам с партизанских лет...

Вручили орден Яну Новицкому через 18 лет, и опять пошел он дорогами с плотницким инструментом и гармошкой...

Леса кругом. Они стоят огненной стеной по обеим сторонам дороги, иной раз промелькнет за ними синяя гладь озера. Леса богатые, и Юзеф говорит, что используют их богатства «на 100 процентов». Весной собирают улиток, тоннами отправляют во Францию. «Зелени жабы» — лягушки — тоже во Францию. Чернику шлют в Англию и ФРГ, грибы — в Швецию, живых зайцев — в Италию и Францию: польский заяц весит шесть-семь килограммов, а французский — два-три, вот французы и улучшают заячью породу. И все — валюта. Туристы едут в этот край лесов и озер.

— А если свернуть вон на ту дорогу,— говорит наш всезнающий гид,— попадем в деревню Войново, где живут русские староверы, «филипповцы», приверженцы святого Филиппа. Они пришли сюда еще во времена Петра I, сохраняют свои обычаи, язык. Есть у них монастырь.

Жаль, что не удастся повидаться с «филипповцами»: нас ждут в Куртине.

Это живописная деревня на берегу тихой речки, укрытой тенью вековых лип. Дом Кароля Маллека далеко от улицы, у самой реки, до которой легко спуститься по тропке. Вот и сам пан Маллек — добродушный, энергичный, несмотря на свои семь десятков. Знакомимся и, усевшись в шезлонгах посередине двора, долго беседуем.

Большую жизнь прожил наш хозяин. Родился Кароль в 1898 году здесь, на Мазурах. С тех пор почти всю жизнь провел в этих районах, утверждая польский язык, польские обычаи, польскую государ-

ственность на этой земле, так долго находившейся под гнетом прусских захватчиков.

— Живу я здесь с детских лет,— рассказывает Маллек.— Помню, в шесть лет не знал я еще немецкого языка. Да и никто тогда в деревнях не знал, хотя немцы делали все для того, чтобы заставить поляков учить его. Отец и мать мои учились в школах на польском. Потом преподавание на родном языке отменили. Последний предмет, который преподавался на польском,— закон божий, раз в неделю. В 1874 году официально ликвидировали польские школы. Меняли названия городов и деревень. Прусские власти делали все, чтобы онемечить наш Мазурский край. Но беда для них заключалась в том, что учителя не знали немецкого языка, и обучение все равно велось на польском. Тогда немцы усилили нажим. Было создано педагогическое училище для переподготовки учителей, для их германизации. Брали молодых, учили, пытались создать польских немцев. Однако одно училище не могло, конечно, решить проблемы и, должен сказать, что и к началу второй мировой войны многие поляки здесь по-прежнему не знали немецкий язык...

В школах, особенно в тех, где хозяйничали учителя-немцы, были строгие порядки. Кароль учился в такой школе. Если ученик говорил по-польски, учитель-немец приказывал надевать ему на шею бирку с надписью «поляк». Тот носит, бывало, ее до тех пор, пока не услышит, что кто-то еще говорит по-польски, а услышит — надевает тому, кто говорил. Потом всех, кто носил эту бирку, учитель наказывал. Но случалось, что за пять часов в школе все 72 ученика носили бирку, потому что все говорили по-польски.

В гимназию отец не пустил Кароля: надо было работать. Тем временем началась первая мировая война.

— Взяли меня в армию,— вспоминает наш хозяин,— в немецком мундире сражался я под Верденом и понял там, где моя дорога. В феврале 1918 года на Западном фронте впервые мы узнали об Октябрьской революции в России. Я стал участником спартаковского движения, из которого позже роди-

лась Коммунистическая партия Германии. Мы писали листовки для солдат, призывали отказываться от участия в войне. Когда в 1918 году свергли Вильгельма, стали создавать первые солдатские советы под ленинским лозунгом «Превратить войну империалистическую в войну гражданскую». Увидел я, что надо бороться за новую Польшу, как никогда понял, что происходит в деревне, какая беда ее охватила. Вернулся с войны, работал учителем, стал писать о людях, об обычаях мазуров с давних времен — про мазурские свадьбы, религиозные праздники. Собрал книгу народных песен...

В начале 20-х годов на Мазурах был организован комитет Коммунистической партии Германии. В соседней деревне была создана ячейка партии, жителей деревни называли «мороговские якобинцы». Создавались ячейки и в других местах. Когда в 1932 году проходили президентские выборы, деревня Згон оказалась в избирательном округе, где кандидатами были Гинденбург и Тельман. 82 процента згонцев голосовали за Тельмана, в котором трудящиеся — немцы и поляки видели выразителя своих чаяний. Это село называли «красным гнездом».

Германию захлестывают мутные волны фашизма. Гитлер заявляет: «Если мы хотим создать нашу великую германскую империю, то мы должны прежде всего вытеснить и истребить славянские народы — русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов... Наша миссия заключается в том, чтобы подчинить другие народы. Германский народ призван дать миру новый класс господ».

В ответ на разгул фашизма активизируется антигитлеровское движение на Мазурах, возникает «Общество мазуров» во главе с Маллеком. Оно выступает против «Гитлерюгенд», борется за польскую молодежь. Одновременно общество вынашивает утопическую идею: дескать, надо, чтобы власти откупили у юнкеров землю, распределили ее между крестьянами. Члены «Общества мазуров» оказывают помощь крестьянству, разоренному нажимом помещиков, проводят большую культурную работу. 1933 год. Гитлер пришел к власти и прежде всего обрушился на коммунистов, ему помогала польская

реакция. Многие мазурские коммунисты оказались под ударом. Наступило трудное время, но впереди были еще невиданные испытания. Гитлер вторгся в Польшу, грянула вторая мировая война.

— В те дни, перед 1 сентября,— рассказывает Кароль,— поехал я в Варшаву за детьми, надо было привезти их, чтобы отправить в школу. Это меня и спасло. Когда гитлеровцы ворвались в нашу деревню, они искали меня в школе, где я работал, все бумаги перерыли, все спалили дотла, убили двух моих братьев, а за мою голову назначили награду в 100 тысяч марок. И, подумайте, за что? За то, что я собрал книгу о мазурских обычаях и песнях. Эта книга была под запретом в Германии и в Польше. Друзья помогли мне укрыться, снабдили фальшивыми документами.

Вместе с товарищами Кароль Маллек вел напряженную подпольную работу. Был основан подпольный научный Институт мазуров, готовили людей для работы в районах, которые рано или поздно должны были вернуться в лоно Польши. Институт снабдил польские власти в Люблине огромным материалом, касающимся положения на Мазурах. Маллека и других товарищей приняли в Люблине представители Польского комитета национального освобождения[1], долго беседовали. Попросили Кароля отправиться на Мазуры, посмотреть, что происходит, собрать людей, на которых можно было бы опереться при создании новой власти в Вармии и на Мазурах.

— Пришел я сюда,— продолжает рассказ наш хозяин.— Думали, что я уже давно погиб. Власти никакой не было, народ избрал меня председателем местного исполкома: я и в Варшаву вернуться не мог. Помогал мне тогда советский майор Житов и другие советские товарищи. Создавали администрацию повята (уезда), ухаживали за ранеными (было их мно-

---

[1] 1 января 1944 года по инициативе Польской рабочей партии была создана Крайова Рада Народова — представительство демократических сил польского народа. Когда в июле того же года началось освобождение польской территории, КРН сформировала Польский комитет национального освобождения, а 31 декабря 1944 года был принят закон о создании Временного правительства Польской республики.

го), расселяли людей, устраивали на работу, учили детей. Был я президентом Института мазуров, руководителем народного университета в одном из повятов, занимался обучением молодежи и взрослых. Ксендзы называли наш университет кузницей коммунизма. Довелось быть и депутатом повятовых, воеводских и Варшавского комитетов, много занимал всяких должностей, и недаром окрестили меня «верблюдом». Но стал сказываться возраст, сдало сердце, и в последние годы перешел я на писательский труд. Напечатал несколько книг: «Коммунистическое движение на Мазурах», роман «Дуб над Мукрем», «Повесть из края тысяч озер». Теперь хочу написать о своей деревне...

Мазурский ветеран приглашает пройтись по его родной деревне, показывает разместившийся на берегу реки дом отдыха с уютными коттеджами, зовет пообедать в сельской столовой. Конечно, здесь каждый знает Кароля, и ему дело до всех и до всего: как прокладывают дорогу, чем заняты школьники, что будут строить, какой урожай. Он неотделим от этих мест, он врос в мазурскую землю, как вековые деревья на площади, поражающие своей осенней красотой. И трижды целуясь на прощание по старому обычаю славян, мы пожелали Каролю Маллеку доброго здоровья и новых книг о Мазурском крае, о его родной Куртине.

— Теперь в Кентшин! — командует Юзеф.— Надо успеть засветло повидать «Волчью яму»...

«Волчья яма» — это бывшая ставка Гитлера. Откровенно говоря, я думал, что получила она это название уже после того, как с фюрером было покончено. Но Юзеф говорит, что логово называлось так с самого начала. Гитлеру хотелось улучшить свою не очень арийскую породу, и он любил напоминать, что его имя на древненемецком значит «волк». Когда ставка была построена, ее окрестили «Вольфшанце» — «Волчье логово», или «Волчья яма».

Теперь уже многие видели замечательный фильм «Если дорог тебе твой дом» — он начинается кадрами руин гитлеровской штаб-квартиры. Но эти кадры не дают представления о масштабах логова фюрера. По сути дела, в глухом мазурском лесу был выстроен

целый город: несколько десятков огромных бункеров, некоторые были высотой с трехэтажный дом, уходя на много этажей под землю.

Мы пересекаем железную дорогу и въезжаем, так сказать, в «вестибюль» «Волчьей ямы». Короткая, но выразительная фотовитрина: Красная Армия наступает, Знамя Победы над рейхстагом, суд над гитлеровскими преступниками в Нюрнберге. Огромная карта — план бывшей ставки: отдельные бункеры Гитлера, Гиммлера, Геббельса, бункеры генерального штаба, строительной организации Тодта, десятки больших и малых бункеров охраны, технических служб.

Да, целый город. Он был мастерски замаскирован кроной огромных деревьев, подтянутых к бетонным стенам, надежно укрыт сетями из пластмассовых листьев, на крышах бункеров зеленели деревья, пряча стволы зенитных пушек. На многие километры вокруг простирались минные поля; население окрестных мест было вывезено; неподалеку, в местечке Королево, располагалась школа эсэсовцев — преданных собак фашистского фюрера.

Гитлер приказал построить штаб-квартиру в 1939 году, готовясь к нападению на Советский Союз. Район Мазур был избран по ряду причин: глухие места, лес, озера, дальше от запада, ближе всего к советской границе. Сначала говорили, что строят «химический завод», потом, когда началась вторая мировая война,— «подземный военный завод», и, похоже, стройка не привлекала особого внимания. Через ее территорию даже пролегала железная дорога, по которой ходили обычные поезда, правда, с зачерненными стеклами вагонов,— и это была неплохая «психологическая маскировка».

Строили кентшинское логово немецкие политические заключенные, позже — пленные французы, поляки, чехи. Всех их уничтожили, чтобы скрыть тайну новой ставки. Когда стройка закончилась, итальянских инженеров, применивших здесь технические новинки, фюрер милостиво наградил, но самолет, на котором они возвращались в Рим, взорвался в воздухе. Немецкие проектировщики штаб-квартиры тоже канули в вечность.

Отсюда, из «Волчьей ямы», Гитлер отдал приказ о нападении на Советский Союз, здесь каждый день разрабатывались адские планы истребления народов, здесь родились проекты освенцимов и майданеков. И, наверное, здесь услышал он первые робкие рапорты своих генералов о провале «блицкрига», узнал о разгроме его армии под Москвой, отсюда шли приказы о новых атаках и сюда приходили вести о новых поражениях — под Сталинградом, под Ленинградом, на Курской дуге.

В кентшинской ставке было совершено покушение на Гитлера в 1944 году. Полковник фон Штауфенберг привез сюда свой портфель со смертоносным грузом, но в этот день Гитлер проводил совещание с генералами не в подземном пункте, а в летнем деревянном павильоне рядом, и взрыв бомбы, рассчитанной на бетонные стены, поднял на воздух павильон, но лишь контузил Гитлера. Ставка находилась здесь еще несколько месяцев, но в двадцатых числах ноября 1944 года, когда Красная Армия подошла к Висле, Гитлер бежал из Кентшина.

Отступая, гитлеровцы взорвали «Волчью яму». Это было сделано так тщательно, с такой скрупулезностью, что трудно сомневаться: все было подготовлено заранее. Глядя на чудовищные глыбы бетона, под которыми хоронился фашистский фюрер, ощущаешь, в каком животном страхе пребывал он. Должно быть, мысль о расплате не покидала хозяина логова, и он заранее думал, как уничтожить даже стены, которые так много видели и слышали.

Взорванные подземные бункеры, быть может, и по сей день хранят какие-то тайны, но узнать их пока не удается. Все основные помещения взорваны так, что проникнуть внутрь нельзя; кроме того, они затоплены подземными водами. Юзеф показывает места, из которых пытались прорыть проходы в бункеры: через три — пять метров под землей натыкались на непроницаемые бетонные плиты. Не увенчались успехом и попытки откачать воду из гитлеровского бункера: возможно, подземные помещения както связаны с озерами.

С каждым годом в Кентшин приезжает все больше туристов из Польши и из-за границы. В одном

из бункеров теперь сделан кинозал, показывают хроникальные фильмы военных лет. В другом — ресторан. В остатках взорванного бункера — пивная. Но, сказать по правде, главное здесь — руины: глыбы исковерканного бетона с железными прутьями, торчащими словно когти неведомого чудовища; серые стены с металлическими лестницами, взобравшись на которые можно увидеть развороченные внутренности бетонных крепостей; кудрявые березы, проросшие в щелях между глыбами...

Нельзя не удивляться тому, как долго удалось гитлеровцам продержаться в кентшинском логове необнаруженными. Рассказывают, что однажды какой-то английский летчик, направляющийся бомбить Кенигсберг, отклонился от курса, попал под кентшинским лесом под ураганный огонь зенитной артиллерии и, беспорядочно сбросив бомбы, скрылся. Что думали англичане об этом случае? Знал ли кто-нибудь на Западе о том, где находится ставка Гитлера?

Рассказывают также, что советские разведчики пытались проникнуть в «Волчью яму», что сюда подбирались и польские партизаны, но пока никаких подробностей об этом узнать мне не удалось.

Я стою на развалинах бункера, где размещался гитлеровский генштаб, а внизу тесной гурьбой толпятся польские юноши и девушки, слушают рассказ гида, трое парней поднимаются по железной лестнице на крышу, шутят, смеются. А какая-то пара, отделившись от остальных, идет в обнимку впереди всех и, клянусь чем угодно, не думает ни о бункерах, ни о войне. Что, если бы в ту пору, когда Гитлер сидел здесь, какой-нибудь провидец сказал ему, что поляки вот так запросто будут гулять по кентшинской ставке?

Идут польские ребята по дорогам «Волчьей ямы», идут хозяева польской земли. Я слушаю рассказ о том, как в памятные дни собираются здесь тысячи молодых поляков. Они поджигают над развалинами бывшего гитлеровского бункера огромную свастику, потом сбрасывают ее и затаптывают в землю, повторяя клятву: «Смерть фашизму!»

И рядом с людьми нового поколения клятву

повторяют ветераны — антифашисты, что прошли сквозь ад гитлеровских концлагерей, твердо веря в победу и освобождение. Об одном из них — следующая глава этой книги.

ЖИЗНЬ ПРОТИВ СМЕРТИ

Осенним днем 1939 года в одном из краковских костелов служили панихиду по Мечиславу Кете. Шла война. Страшную весть получили в семье Кета: пал смертью храбрых сын. И вот отпевают его, погибшего невесть где. Плачет мать, преклонив колени. Отец утирает скупые слезы. Ксендз произносит последнее «аминь», когда в костел вбегает Мечислав и бросается к ошеломленным родителям.

Случилось так, что часть, в которой служил Кета, попала в плен. Польских солдат угоняли в Германию. Мечислав бежал в родной Краков. А дома никого не было: все ушли в костел, вот и пришлось отправиться на собственную панихиду.

Радость неожиданного воскрешения была недолгой. Наступили трудные времена, надо было скрываться. С помощью друзей Мечислав устроился на завод слесарем. Там вела подпольную работу группа коммунистов и социалистов, и он стал одним из активных борцов против гитлеровских оккупантов.

Гитлер вторгся в Советский Союз, и его войска уже испытали силу контрударов Красной Армии. Эхо разгрома гитлеровцев под Москвой докатилось и до Кракова. Антифашистская борьба нарастала. Оккупанты свирепствовали. Весной 1942 года гестапо схватило Мечислава вместе с отцом. Сначала держали в краковской тюрьме, потом приговорили к пожизненному заключению в концлагере и отправили в Аушвиц, как немцы называли Освенцим...

С тех пор прошло более четверти века.

Ранним осенним утром вместе с Кетой едем в Освенцим. Высокий, широкоплечий Мечислав, несмотря на седину, выглядит моложе своих 57 лет, и только в глазах его, глубоких и печальных, читается пережитое. Но рассказывает он о себе скупо, снова и снова приходится терзать его вопросами.

Памятник героическим защитникам польской столицы.

Строится новая Варшава.

Остатки тюрьмы Павьяк в Варшаве напоминают о погибших в борьбе с фашизмом.

Новое поколение должно знать о том, как гитлеровцы уничтожали Варшаву.

Ольштынские школьники на стройке шинного завода.

На улицах Ольштына.

Кароль Маллек.

То, что осталось от бункера Гитлера.

Памятник на грюнвальдском поле.

Юзеф Сабесяк.

Гдыня. Дедушка польского флота.

Древний Гданьск.

Познаньская ратуша.

Познань.
Памятник
освободителям.

Щецин строится.

После беседы
на Щецинской судоверфи.

CZNIA
INSKA

Рождение кораблей.

Здесь похоронено
сердце М. И. Кутузова.

Мечислав Кета.
Сзади памятник погибшим в Освенциме.

Уже много лет Кета работает в печати, руководит местным отделением союза журналистов. Он — генеральный секретарь Международного освенцимского комитета, председатель областного комитета по расследованию гитлеровских преступлений в Польше. Ну, а сразу после освобождения боролся против контрреволюционных банд в горах; перед объединением Польской рабочей партии и Польской социалистической партии состоял в ППС, руководил газетой, занимался пропагандистской работой. Был делегатом объединительного съезда, на котором создалась Польская объединенная рабочая партия, ставил на ноги партийную «Газету Краковску», заведовал в ней иностранным отделом, секретариатом. Когда начали строить металлургический комбинат Новая Гута, организовал газету строителей. Тогда она называлась «Строитель социализма», теперь — «Глос Новой Гуты».

— Это был романтический период в нашей жизни,— вспоминает Кета.— Новой Гуты, собственно, еще не было. Только рыли котлованы под фундамент, а газета уже видела гигант построенным и сплачивала молодежь, чтобы осуществить мечту...

Кета учился в партийной школе при ЦК ПОРП, работал на радио в Варшаве и Кракове, стал главным редактором «Газеты Краковской». И тут серьезно заболел: Освенцим все же сказался и на его богатырском здоровье, выручавшем на тяжких работах и в тифозном бараке. И бывший освенцимский узник № 59590 говорит:

— Я не могу не думать об Освенциме. Меня приговорили к пожизненному заключению в концлагере, и я навсегда остался его пленником. Сбывается пожизненный приговор. Но дело не во мне. Я и мемуаров не писал, считаю, что моя судьба — это частность. Главное для меня — документы, свидетельства, факты. Все факты о преступлениях гитлеровцев. Весь мир должен знать о них. Немцы тоже. Сегодня, когда неонацисты поднимают голову, это особенно важно.

— Вас освободили из Освенцима советские войска? — спрашиваю я.

— Да, если бы не наступление Красной Армии, не знаю, чем бы все кончилось,— говорит Кета.— Но

когда советские войска пришли в Освенцим, меня там уже не было. В 1944 году многих поляков и русских стали переправлять в другие лагеря. Особым судом 50 антифашистов были приговорены к расстрелу, и афиши с фотографиями, извещавшие об этом, появились на стенах Кракова. Среди приговоренных был и я. Мать шла по улице, увидела афишу, упала в обморок...

Не знаю, отпевали ли Кету на этот раз, только он снова ушел от смерти. Расстреляли шесть человек, находившихся в краковской тюрьме, а остальных срочно погнали из Освенцима в Гросс-Розен: Красная Армия наступала. 27 января 1945 года войска I Украинского фронта вошли в Освенцим и Бжезинку. Мир содрогнулся, узнав, что представляли собой лагери смерти. Гитлеровцы торопились замести следы преступлений. Гиммлер приказал ликвидировать всех оставшихся в живых узников концлагерей.

Группу, в которой был Мечислав Кета, гнали из Гросс-Розена куда-то в Тюрингию, всех, кто не мог идти, добивали. И Кета с товарищами, воспользовавшись ночной бомбежкой, бежали. Местность была незнакомая, шли неизвестно куда. Добрались до какой-то дороги, зажгли спичку, посмотрели на дорожный знак: оказалось, идут по дороге в другой концлагерь. Свернули прямо в лес, пробирались до утра, а на рассвете услышали: «Хальт! Хенде хох! — Стой! Руки вверх!» Ну, думали, конец, напоролись на фашистов. А это были чешские партизаны. Польский патриот остался с ними. Гитлеровцы бежали от Красной Армии к американцам. Партизаны всеми силами старались отрезать им дорогу. А когда началось восстание в Праге и все партизанские соединения были призваны на помощь, отряд, в котором сражался Мечислав, двинулся туда и вошел в седьмой революционный гвардейский полк. В Польшу возвратился Кета в мундире чешской армии...

Шофер тормозит. Это Бжезинка, по-немецки — Биркенау, продолжение освенцимского ада. Деревянные вышки, колючая проволока на загнутых клюшкой тяжелых бетонных столбах, приземистые ворота главной караульной.

— Далеко идти, может, въедем? — спрашивает водитель.

— Нет, нельзя,— говорит Кета.— Это дорога смерти...

Мы проходим через ворота. Сюда въезжали эшелоны с жертвами гитлеровцев — это были последние 900 метров, отделявших жизнь от смерти. Бжезинку называли Аушвиц-II, или просто «Ау-II». Неподалеку и «Ау-III» — еще один концлагерь. Гитлеровцы разработали «план развития Освенцима» до 1960 года. Создавался Гиммлерштадт, город по уничтожению народов Европы, гигант смертной индустрии: так выполнялся приказ фюрера «окончательно разрешить европейский вопрос».

В строгом порядке стоят деревянные бараки, от некоторых остались только печные трубы: гитлеровцы, отступая, сожгли их. За тополями, ближе к леску, лежат развалины взорванных газовых камер и крематориев. Здесь же — ямы, в которых сжигали, укладывая штабелями, трупы убитых, когда их не успевали поглотить огненные печи.

— Обратите внимание,— говорит Кета,— как экономны были палачи: одна яма сделана чуть выше другой, и горючее, которым обливали трупы в ней, стекало по желобу в нижнюю яму. Горело это днем и ночью. Под нами, здесь, где мы стоим, несколько метров пепла и человеческих костей. Когда я сказал об этом одному известному англичанину, с которым мы были здесь, он не поверил. Принесли лопату, он копнул — и был потрясен.

Поблизости — новый памятник жертвам Освенцима. Гранитные, бесформенные глыбы — как изуродованная жизнь, опрокинутый треугольник на гладкой плите — как нашивка узника — знак обреченности. Памятные плиты с надписями на 19 языках говорят о гибели 4 миллионов человек 26 национальностей. Проектировал памятник итальянец Пьетро Кастелла и поляк Ежи Янушкевич, а строил его Владислав Кета, брат Мечислава.

На открытии памятника выступал глава польского правительства Юзеф Циранкевич, бывший узник Освенцима.

— Мировая общественность,— сказал он,— пони-

мает смертельную угрозу, таящуюся в реваншистских притязаниях ФРГ, все сильнее беспокоит ее возрождение таких фашистских организаций, как НДП. Даже союзники Бонна обеспокоены его стремлением подобраться к ядерному оружию. Мы здесь для того, чтобы будить бдительность мировой общественности, напомнить народам Европы, что нельзя поддаваться иллюзиям и лжи...

Да, европейцы не могут быть спокойны, когда тысячи бывших гитлеровцев занимают высокие посты в боннской республике, когда те, кто строил крематории Бжезинки, строят костелы в Австрии, когда неофашисты пытаются обелить фюрера и всех гитлеровских убийц и палачей.

— Слышите, какая тишина? — спрашивает Кета и, помолчав, добавляет: — Я часто прихожу сюда ночью, когда нет туристов, когда стоит смертельная тишина, и человек может быть наедине со своими мыслями...

У меня не хватает духу спросить, о чем думает Мечислав, стоя у развалин, наполненных призраками миллионов повешенных, расстрелянных, забитых плетьми, затравленных собаками, уничтоженных фенолом, задушенных в газовых камерах. А Кета, словно угадав мой вопрос. говорит:

— Больше всего меня тревожит мысль о молодежи. Она, к счастью, не видела того, что здесь было. Но разве эта тишина, эта буйная зеленая трава вокруг расскажут о прошлом? Здесь не было ни травинки — все было съедено. Все утопало в грязи. Смерть хозяйничала здесь. То, что делали гитлеровцы, не воспринимается нормальной человеческой психикой, в это трудно поверить. А нацисты снова поднимают голову. Долг наш — показать молодежи, что фашизм — смертельный, непримиримый враг человечества...

Кета останавливается у ограды из колючей проволоки, вспоминает:

— Один из наших товарищей уже не мог терпеть, бросился на проволоку, а тока не было. Крикнул караульному: «Нет электричества!» Тот поднял автомат и застрелил его. И все это — на наших глазах...

Вот и «Ау-I». До 1939 года здесь были польские казармы. Стоят рядами серые двухэтажные корпуса, живописно укрытые стройными пирамидальными тополями, колючую проволоку заметишь не сразу, и невольно ловишь себя на мысли: Освенцим ли это?

Да, Освенцим, тот самый, о котором столько рассказано, и трагедию которого, наверное, невозможно постичь до конца. Железные ворота с издевательской надписью сверху: «Труд освобождает» и береза перед ними — та, что видела всех, кто входил в эти ворота навстречу смерти. Если выжила она здесь, то, должно быть, от слез, пролитых миллионами, и кто знает, не самая ли это плакучая береза из всех плакучих берез мира.

Бывший узник № 59590 ведет нас через Освенцим. 17-й блок. Здесь он сидел несколько месяцев. 20-й блок, госпиталь, где было инфекционное отделение, в которое боялись заглядывать эсэсовцы, и антифашисты использовали это место для подпольной работы. Во многих корпусах все осталось таким, как было при гитлеровцах: многоэтажные нары, солома, полосатая одежда узников, комната гитлеровских палачей.

В музейных залах за огромными стеклянными витринами — горы чемоданов, детской, женской, мужской обуви, металлической посуды, протезов ног и рук, очков. Штуки ткани, сделанной из женских волос. Железные банки с циклоном «Б», изготовленные фирмой «Дегеш».

В одном из блоков на постаменте стоит урна с прахом сожженных, надпись на стене: «Их было четыре миллиона».

На плацу, где узники проходили проверку, стоит будочка для рапортфюрера (он не желал мокнуть в дождь), рядом на трех столбах — рельсы. Кета рассказывает:

— Это было в июле 1943 года. Мы вернулись с работы и увидели виселицу. Из «блока смерти» привели 12 узников, руки их были скручены проволокой. Поставили 12 табуретов. Эсэсовцы приказали заключенным немцам повесить приговоренных. Немцы не двинулись с места. Тогда один из обре-

ченных, поляк, сам вложил голову в петлю, крикнул «Них жие Польска! Смерть фашизму!» и повесился. Эсэсовцы накинулись на остальных. Стояла мертвая тишина. И тогда кто-то из русских, не знаю, кто, крикнул: «Шапки долой!» Все мы сорвали шапки, возникла стихийная демонстрация. Взбешенные гитлеровцы стали разгонять нас прикладами. Повесили этих 12 по подозрению в подпольной деятельности: хотели запугать антифашистов.

Мы подходим к 11-му корпусу — «бараку смерти». Здесь вершили расправу эсэсовцы. За решеткой ворот — двор — каменный мешок. Земля у черной «стены смерти» пропитана кровью 20 тысяч расстрелянных. В бункере блока лагерфюрер Фрич впервые испытал газ циклон на советских военнопленных и заключенных из больничных корпусов. Дважды вводили газ.

— Когда разобрали перемычку,— рассказывает Кета,— мертвые стояли: они не могли упасть, столько их было...

На втором этаже 11-го корпуса фотографии многих, кто погиб в этом застенке. Тут же — портреты руководителей антифашистского подполья — польских, советских, немецких, чешских, австрийских, французских патриотов. Подпольная организация собирала информацию, рассказывала узникам, что делается в мире, доставала лекарства, переправляла на волю письма и документы, боролась с уголовниками, которые прислуживали эсэсовцам. Под стеклом — стихи польского поэта, освенцимского узника Тадеуша Холуя, переписанные рукой Мечислава.

— Важно было поддерживать дух людей,— говорит он.— В этом пекле, худшем, чем Дантов ад, шла схватка двух идеологий. Первыми поднялись на борьбу и выстояли в ней коммунисты. История этого не забудет. Для молодых людей, оказавшихся в лагере, это была политическая и идеологическая школа.

Среди документов под стеклом на витрине я вижу партбилет на имя Сергея Георгиевича Рзянина, 1913 года рождения. В освенцимском аду коммунист оставался коммунистом.

— Вы находились в этом блоке? — спрашиваю Мечислава.

— Да, вот здесь, у этого окошка стояли наши нары...

Кета просидел в «блоке смерти» месяц, ожидая своей участи, когда афиши с приговором ему висели на краковских улицах, а Красная Армия стремительно шла на запад. В корпусе, где когда-то были заключены советские военнопленные, теперь создана экспозиция — рассказ о великом подвиге Советского Союза и его армии-освободительницы, водрузившей Знамя Победы над рейхстагом. В других блоках можно познакомиться с историей антифашистской борьбы многих европейских народов.

Была в Освенциме и, так сказать, «главная улица», отделенная от остальных заграждениями.

— В том конце,— показывает Кета,— жил комендант лагеря Рудольф Гесс, сменивший рясу священника на мундир эсэсовского убийцы. Здесь были корпуса администрации и жилые помещения работников лагеря. 25 лет назад привезли нас вон к тем воротам и гнали по этой дороге. Я видел, как упал отец, пытался помочь ему, но меня тоже смяли. Отца отправил в газовую камеру эсэсовец Клер. Из тех, кого привезли тогда в Освенцим, в живых остался я один. Остальные...

Мечислав показывает на невысокую четырехгранную трубу. Мы входим под давящие своды крематория с маленькими зарешеченными окнами. Из мрака выступают черные пасти печей. Там, где когда-то бушевало пламя смерти, ровным светом горит зажженная кем-то свеча и лежат красные гвоздики. Какой-то парень щелкает затвором фотоаппарата, а кажется, будто стреляют в затылок.

Стреляли рядом. Узкий проход вел в крематорий прямо из гестаповского застенка. Гитлеровцы сами уничтожили это помещение, словно боялись, что камни расскажут о преступлениях. На пустыре теперь стоит деревянная виселица. Нет, на ней не казнили узников. На ней по приговору трибунала повесили коменданта Освенцима Рудольфа Гесса. Ему прочитали приговор по-польски, он не захотел слушать немецкого перевода. Молчал. Что мог сказать он, повинный в гибели миллионов людей?

Мечислав Кета, освенцимский узник № 59590,

вместе с немногими товарищами, перешагнувшими смерть, стоял у виселицы в последний час Гесса, и, может быть, глаза этих людей убили коменданта раньше, чем он повис в петле.

В музее Освенцима за год бывает 600—700 тысяч человек, из них примерно 100 тысяч — из-за границы. Это много и мало: надо, чтобы Освенцим увидел каждый. Тогда можно понять, что представлял собой гитлеровский «новый порядок» организованного, планомерного, продуманного до мельчайших тонкостей уничтожения целых народов. Те, кто прошел войну, кто страдал в оккупации, могли видеть потрясающие картины гитлеровских зверств, но, пожалуй, только Освенцим даст представление о всей бесчеловечности гитлеризма.

В волнении мы покидаем лагерь-музей. Наш польский друг рассказывает о том, как организовали выставку об Освенциме во Франкфурте-на-Майне, что испытал он, очутившись там:

— Меня особо интересовала реакция молодежи, и она была разной. Одни говорили: это прошлое, и нечего его ворошить. Для других увиденное было полной неожиданностью: им никто не рассказывал об этом, а если и рассказывали, то в том духе, что все это-де — коммунистическая пропаганда. Именно такие утверждения подкрепляют сегодняшних неофашистов, именно в них — огромная опасность и для Западной Германии, и для Европы. Разумеется, есть молодежь, которая ощутила трагедию прошлого, видит, что происходит сейчас, борется против возрождения фашизма, против войны во Вьетнаме. Разные есть немцы в ФРГ. Но важнейшее значение имеет то, что существует Германская Демократическая Республика — государство немецких трудящихся, наследников первых антифашистов, которые подняли знамя борьбы против Гитлера, социалистическое государство, которое вместе со всем социалистическим содружеством стоит на страже безопасности в Европе. Нельзя позволить неонацистам поднять голову...

Земля Освенцима, пропитанная кровью, зовет к борьбе против угрозы неофашизма. Эту землю, как драгоценную реликвию, увезли с собой японцы на

другой конец света, в Хиросиму, пепел которой тоже зовет к борьбе. И седой Мечислав Кета шагает в первой шеренге бойцов антифашистского фронта. Шагает, потому что только что по краковским улицам пошла в школу его семилетняя дочь Катя — Катажина, потому что миллионам людей нужен мир на земле, потому что жизнь должна победить смерть.

ВСТРЕЧА С «МАКСОМ»

В Гданьске я пробыл два дня. Впрочем, это не совсем точно. Я приехал в Гданьск, жил в Сопоте, а уезжал из Гдыни. Мне так и не удалось разобраться, где кончается один и начинается другой город. Наверное, так и должно быть, потому что сами поляки называют Гданьск — Гдыню — Сопот Труймясто, то есть Тригород. Но в Тригороде есть главный город — древний Гданьск.

Этот балтийский город насчитывает девять веков истории. Он был одним из крупнейших портов в Европе и крупнейшим портом Польши. Оказавшись под властью Пруссии, Гданьск лишается своей естественной хозяйственной базы, приходит в упадок. После первой мировой войны он становится «вольным городом» под протекторатом Лиги Наций, связанным таможенным союзом с Польшей. Несмотря на право свободно пользоваться гданьским портом, польские учреждения постоянно находятся в трудном положении, так как гданьский сенат действует по указке из Берлина. И в конце концов Польша вынуждена искать другой выход в Балтийское море. Начинается строительство нового порта, и тут маленький рыбацкий поселок Гдыня обретает новую судьбу. А Сопот возник как морской курорт и по сей день служит своего рода украшением двух рабочих портовых городов.

Гитлеровцы разрушали Гданьск особенно яростно потому, что именно здесь они впервые столкнулись с мужественным сопротивлением защитников Вестерплате.

Вестерплате — полуостров у входа в Гданьский порт. Слева виден маяк, узкая горловина входа на-

зывается «поворотом пяти гудков»: часто сталкивались суда, и когда-то было принято правило пароходам гудеть пять раз. А справа, на высоком холме, поднимается гранитный обелиск — будто гигантский меч, воткнутый в землю рукояткой. У подножья холма лозунг, который звучит здесь по особому остро:

«Да здравствует мир во всем мире!»

Я иду по широкой аллее к памятнику мимо искореженных руин казарм и дотов — немых свидетелей сопротивления польского гарнизона, который принял на себя один из первых ударов гитлеровской армии и флота. Ветер Балтики сбивает с ног, дождь упрямо хлещет в лицо.

Здесь началась вторая мировая война.

Вечером 31 августа 1939 года, учинив предварительно ряд провокаций на польско-германской границе, гитлеровцы вторглись в «свободный город Данциг», а утром 1 сентября фашисты объявили о присоединении города к рейху. В это время на Вестерплате шла ожесточенная схватка с гитлеровскими захватчиками. На рассвете немецкий линкор «Шлезвиг-Гольштейн», пришедший на данцигский рейд с «визитом дружбы», чтобы поддержать местных фашистов, открыл бешеный огонь по польским укреплениям на полуострове.

О трагических событиях тех дней рассказывает новый польский фильм «Вестерплате», который был показан на кинофестивале в Москве летом 1967 года. Я смотрел его в Гданьске и, наверное, особенно остро воспринимал то, что происходило на экране.

Подразделения польской армии несколько дней самоотверженно отбивают атаки противника, но майор-командир в конце концов принимает решение сложить оружие. И вот солдаты бросают винтовки. На их лицах — боль, гнев, непримиримость. Гитлеровский офицер принимает капитуляцию, любезно говорит: «Видите, сражаться было бесполезно». Польский майор молчит, смотрит на своих подчиненных, которым предстоит плен, и о чем-то думает.

Фильм вызвал полемику среди польских зрителей: одним нравилась его достоверность и искренность, другие возражали против какой-то недоска-

занности, третьи говорили о несогласии с финалом. Я слушал польских друзей, и мне казалось, что все они правы: фильм историчен, и из нашего сегодня многое, конечно, видится по-другому. Трудно воспринимать позицию польского командира, который верит в какое-то «рыцарство» немецких офицеров: ведь гитлеровцы, попирая все законы войны, прикажут расстрелять защитников гданьской почты, бросят в освенцимские печи тех, кто сражался на Вестерплате, прикажут расстрелять Польшу.

Конечно, могут сказать, что тогда, в начале войны, не ожидали такого. Что ж, в какой-то степени это так, но прежде всего потому, что политика буржуазных польских правителей строилась на иллюзиях в отношении Германии и непримиримой вражде в отношении Советского Союза. Ведь еще в 1886 году Бисмарк говорил: «Бейте поляков, пока у них не пропадет охота жить. Я им очень сочувствую в их положении, но чтобы мы сами могли существовать, нам нужно их истребить...» 40 лет спустя, в 1927 году, Розенберг писал в книге «Будущий путь германской внешней политики»: «Уничтожение польского государства является первой потребностью Германии». В мае 1939 года Гитлер говорил: «Не может быть даже и речи о том, чтобы оставить Польшу в покое, и перед нами остается только одно решение — напасть на Польшу при первой же благоприятной возможности».

Но даже в этот час смертельной угрозы, нависшей над Польшей, буржуазное правительство, исходя из доктрины антикоммунизма, не пошло на заключение соглашения с Советским Союзом, который мог защитить Польшу от нападения Гитлера. В этом немалую роль сыграли и тогдашние правительства Англии и Франции, не расстававшиеся с мыслью натравить Гитлера на нашу страну и спокойно отсидеться, поглядывая, как будет осуществляться пресловутый «дранг нах Остен». И скольким полякам придется пройти через тяжкие испытания, прежде чем они забудут миф о «красной опасности», увидят, кто и как предал Польшу, сорвав все попытки Советского Союза создать единый фронт против гитлеровской агрессии.

Дух сопротивления, родившийся на Вестерплате, впоследствии поднял тысячи польских патриотов на борьбу против фашистских захватчиков, за свободу и независимость Польши. Возникают тайные военные организации, партизанские отряды. В январе 1942 года создается Польская рабочая партия, которая организует Гвардию людову, и уже на следующий год в Польше действуют 109 партизанских отрядов и ударных групп гвардии. Сражаются партизанские отряды Батальонов хлопских, Армии крайовой, Народной милиции. Становятся известными партизанские командиры «Метек» (Мечислав Мочар), «Михал» (Франтишек Ксемжарчик), «Гжегож» (Гжегож Корчинский), «Ястреб» (Антони Палень), «Остоя» (Анджей Реймак), «Оська» (Ян Соньта) — их много. Почти во всех партизанских соединениях есть советские солдаты и офицеры, вышедшие из окружения или бежавшие из плена, появляются партизанские вожаки «Чуваш» (Я. Н. Николаев), «Мишка Белокурый» (М. Томилов), «Федя» (Ф. Ковалев), «Серафим» (С. Алексеев) и другие.

Плечом к плечу сражались против гитлеровцев люди разных национальностей, спаянные ненавистью к поработителям и верой в торжество правого дела. Разные пути вели польских патриотов в ряды активных бойцов, и на берегах Балтики услышал я рассказ одного из них.

В Гдыне, в здании адмиралтейства, мы познакомились с Юзефом («Иосифом Матвеевичем») Сабесяком. Он сидел за письменным столом — плотный, может быть, даже немного грузный (ничего не поделаешь, годы), в черной адмиральской форме. Позади была огромная карта балтийского побережья Польши, и трудно было узнать в морском офицере партизанского командира, которого хорошо знали на Волынщине и в Польше под кличкой «Макс».

Родился Сабесяк в крестьянской семье на Люблинщине, пошел работать в город слесарем, стал членом Коммунистической партии Польши. Был два года в армии, грянула война, оказался на территории Советского Союза.

— Не знал тогда по-русски ни слова,— рассказывает Сабесяк на хорошем русском языке, прибегая

иной раз к крепкому словцу.— Летом 1941 года работал в Ковно заместителем директора машинно-тракторных мастерских, и вот Гитлер напал на Советский Союз. Иду в военкомат, говорю: хочу в армию. А я-то — беженец, паспорт у меня с каким-то, черт его знает, параграфом, показываю военкому, тот говорит: поработайте. Не удалось мне пойти на фронт, так фронт пришел к нам, холера. Гестапо принялось искать меня. Ушел в Маневичи. Работал там в типографии. Сочиняли антигитлеровские листовки, стали слушать радио, рассказывать людям, что происходит на фронте, поддерживали людей. Какая-то сволочь предала нас, и осенью 1941 года меня арестовали. Когда перевозили из Маневичей в Ковно, вместе с товарищем решили бежать. Друга моего, тоже члена польской компартии, схватили и, как я потом узнал, повесили. А мне удалось скрыться в лесах на Западной Украине. Это был пограничный район, там не успели создать подпольной организации, баз не было. Всю зиму я скрывался — один, без оружия. Гоняли меня, как собаку, ноги отморозил. Но пережил это тяжелое время. В начале февраля 1942 года собралась нас группа: четыре поляка, двадцать украинцев, кое у кого было оружие. Решили создать ядро отряда. Связи с Большой землей не было, не знали мы, что делается на фронте. Но собрались коммунисты и понимали, что надо бороться. Избрали они меня командиром, хоть фамилии даже не знали. Надо было самим выработать и политическую линию и тактику партизанской борьбы. Политическую линию выработали такую: во-первых, бить оккупантов где и сколько можно, во-вторых, поддерживать всех людей, независимо от нации и вероисповедания, которых преследуют оккупанты и которым нужна наша помощь. На этом все сошлись...

Сидим мы в кабинете адмирала, но официальная обстановка, должно быть, как-то мешает Сабесяку, и он говорит, что лучше перейти нам в «каптерку» в офицерском клубе, тем более, что время обеда. Клуб — за углом, «каптерка» — небольшая комната на первом этаже. Пока накрывают стол, «Макс» продолжает рассказ:

— Никто у нас не умел воевать в партизанах,

вырабатывали тактику сами. Стали уничтожать предателей, полицаев, устраивали засады на гитлеровцев, отбивали скот, который угоняли фашисты, добывали припасы, оружие. Крестьяне были ограблены гитлеровцами до нитки, и мы делились с ними добытым продовольствием. До декабря 1942 года действовали без связи с Большой землей, а в это время у нас уже насчитывалось 150 вооруженных бойцов, да, кроме того, 500 человек мирного населения — люди с женами, с детьми бежали от захватчиков. Мы охраняли их в лесу. Немцы начали преследовать нас. Мы действовали в районе Маневичей, Камень-Каширского, Рафаловки. Осенью 1942 года пришел в эти места отряд под командованием полковника Антона Петровича Бринского. Теперь он Герой Советского Союза, живет в Горьком. Переписываемся с ним, недавно был он здесь у нас, в Польше. Бринский был кадровым офицером из соединения знаменитого Бати. Умный человек, широкого кругозора. Встретились мы тогда в лесу, а люди разные, бежали из плена, — русские, украинцы, поляки, татары, грузины, армяне, евреи,— кого только не было — интернационал! У Бринского была рация. Теперь мы уже знали, что делается на фронтах и в глубоком тылу. Это сразу помогло бороться против сильной гитлеровской пропаганды, которая твердила населению, будто Красная Армия разбита, остались-де только «бандиты», которых добивают гитлеровские войска. Важно было также, что стали мы получать кое-что с Большой земли самолетами. Немного, правда, трудно еще было, но помощь эта имела огромное значение. Мы создали первую партизанскую бригаду особого назначения. Сначала три отряда, потом пять. Я был командиром отряда и заместителем Бринского.

В «каптерке» звонит телефон. Оказывается, это жена Сабесяка. Она сообщает что-то по поводу книг и газет, которые он просил срочно прислать из дому, чтобы показать нам.

— Вот ведь, везде найдет! — смеется адмирал и рассказывает дальше.

— Наша бригада занималась разведкой и диверсиями на железных дорогах, по которым шли вра-

жеские эшелоны. Взрывали мосты, подрывали полотно. Это была наша главная задача. А ребята хотели бить немцев. Ну, приходилось их уговаривать, доказывать, что наша работа особо важная. Людей становилось все больше и больше. В январе 1943 года разведка сообщила, что немцы решили провести против нас крупную операцию и двинули силы, которые раз в 10 были больше, чем наши. Пришлось отступить километров на 120. Но должен сказать, что после Сталинграда многое изменилось: существовал целый партизанский край, мы были не одиноки. И продолжали действовать. Только не хватало нам взрывчатки. Тогда мы заложили свою фабрику: вскрывали снаряды, неразорвавшиеся бомбы. Так собрали более 12 тонн тола.

Фашисты прибегали к новым трюкам. В 1943 году они активизировали националистов, всячески разжигали национальную рознь, уничтожали прогрессивных украинских и польских деятелей. Жители покидали насиженные места, уходили в лес, к партизанам. В лесу, где находился отряд Сабесяка, было уже около 10 тысяч человек, их надо было охранять.

— Ну, выпьем за партизан,— говорит «Макс», поднимая стопку «выборовой»,— и я, отвлекаясь в сторону, расскажу вам одну историю.

— Конечно, когда была возможность, пили мы водку, но никогда я не напивался. Только один раз случился со мной такой грех, и вот при каких обстоятельствах. Был в одном селе кулак. С гитлеровцами снюхался. Как-то ночью пришли мы к нему, чтобы воздать должное, и вижу я: у него дед старый, жена, куча детей. Посмотрел я на них и говорю ребятам: не разрешаю его убивать. «Как так?» — возмутились они. «Если, говорю, убьем его, вы будете работать на этих детей, а смотрите, какая тут орава. Дайте ему как следует — и хватит». Начали они давать ему «как следует», вижу, прибьют, удержал кое-как. Потом говорю мужику: «Слушай, сволочь, сам понимаешь, что тебя убить надо, но у тебя семья такая, пощадим. Но если опять с немцами спуташься, тут же и повесим». Ребята сказали: «Правильно». В 1961 году был я в Маневичах. Подходит ко мне какой-то старик, говорит: «Макс, хотел вас

поблагодарить». «За что?» — спрашиваю. «Да за то, что живу»,— и напомнил мне эту историю. «Вы были правы,— говорит,— что хотели меня убить, но тогда я понял, что к чему. А сейчас я бригадир, сын мой — инженер, старшая дочка — учительница, другие дети тоже учатся...»

— Ну, а что с выпивкой?

— Да, забыл сказать. Как ушли мы от того мужика, забрали с собой весь самогон, что был у него, выпили, вот тогда и было мне худо. Все помню, как было, и как я плакал почему-то тогда, наверное, первый раз в жизни...

Вспоминает Сабесяк трудный 1943 год — и то, как прилетел к ним Василий Андреевич Бегма, один из руководителей украинских партизан, и как стали объединять все партизанские соединения, и как создали партизанскую бригаду имени Фрунзе, и как отбивали еще одну карательную экспедицию гитлеровцев, которые бросили против партизан две дивизии, авиацию, танковый полк.

— Но тут пришла Красная Армия,— говорит Сабесяк.— Получил я тогда звание майора — свое первое воинское звание. Был передо мной выбор: сражаться в рядах Красной Армии или Войска Польского. Я попросил, чтобы дали возможность воевать на оккупированной территории. Было решено организовать польскую бригаду партизан, перейти фронт и начать боевые действия на польской земле. Мы выполнили это задание, создали польский партизанский штаб, начальником которого был Александр Завадский. Потом ударная группа в 100 человек была переброшена за Вислу, там быстро организовали целую бригаду. Наша разведка помогала подготовке наступления на Сандомирском плацдарме. Я не знал тогда, что происходит, и злился: тут столько дела, а с меня спрашивают, где какой вшивый гитлеровец сидит, доставай сведения. Потом стало ясно: развернулось мощное наступление, и работа наших ребят была очень нужной.

Освободили Люблинщину, в Люблине действовало польское правительство. И решил Иосиф Сабесяк побывать у своих родных.

— Было нас 13 детей,— вспоминает он.— Стар-

ший брат настоящий пилсудчик был, холера. А второй брат, коммунист, погиб в Освенциме. Приехал я в родную деревню, есть нечего. Было мне тогда 30, здоровый был, как бык, а меня все «малым» звали. Воды в хате не оказалось. Пошел к колодцу, несу два ведра. Мать выбежала, руками всплеснула, кричит: «Юзя, тебе ж тяжело!» Те слова будто сердце мне пронзили. Поймал я старую, обнял, расцеловал. Я же мог трех таких взять в охапку да те два ведра еще! Достал я тогда отцу двух лошадей, у него ничего не было. И фото ему подарил: я в Кремле, в Георгиевском зале, сфотографирован со Шверником, когда получал орден Ленина. Спросил меня тогда Шверник, на каком фронте я воевал. А я говорю по-польски: «Ни на каком». «Как же так?» — спрашивает. «Партизанил»,— говорю. «Тем лучше»,— говорит он. Сделали тогда общий снимок, а потом еще отдельно сфотографировали нас со Шверником. Этот снимок подарил я отцу, а сам уехал. И вот однажды произошла такая штука. Отец дал коней соседу. Сосед сдуру выехал на самую середину дороги, да не убрался вовремя, и газик с советскими офицерами, чтобы не ударить его, свернул в кювет. Машина была повреждена. Ребята говорят: «Раз ты ездить не умеешь, возьмем коня за ремонт машины». И взяли. Сосед вернулся с одним конем, рассказывает отцу, что случилось. Тогда дед мой — а было ему в то время лет 75, хитрый был такой — взял то заветное фото и пошел к советским офицерам. Приходит, говорит: так, мол, и так, что же вы делаете? И фото показывает. «Где сынок?» — спрашивают. «А я знаю? — говорит.— Где-то у вас, черт его знает». Посмотрели они повнимательнее на фото, узнали Шверника. «Не может быть»,— говорят. Люди подтвердили, что на фотографии я. Кончилось дело тем, что деду вернули коня да еще впридачу кабана дали, мешок муки и привезли домой.

— Ну, опять отвлекся,— говорит Сабесяк.— Вернемся к делу. Правительство польское в Люблине было тогда. Вызвал меня Завадский и говорит: «Надо учиться». Посадили в самолет и очутился я в Москве в академии Фрунзе. В Варшаву вернулся 9 мая 1945 года, в День победы. Дали полк и отправился

я в Згожелец на западную границу по Нисе. Надо было осваивать западные земли, и, скажу вам, было это не легко. Солдаты пахали землю, сражались с бандами до самой осени 1947 года. Потом снова довелось мне учиться. Кончил я академию генерального штаба, командовал дивизией, работал в штабе, а с 1963 года послали меня заместителем командующего морского флота.

С тех пор и работаю здесь. Старые друзья — партизаны часто пишут, получаю много писем. Написал несколько книг: «Бригада «Грюнвальд», «Земля горит» и другие.

— А как вы начали писать? — спрашиваю.

— Еще в партизанах был, думал все: если бы кто-нибудь описал, что мы пережили. Но у самого даже и в мыслях не было попытаться сделать это, ведь я никогда не писал, холера, школу начальную только окончил. Да со временем было туго: был на командных должностях, тут тебе «ЧП», тут бандиты, какое уж там писание! Когда перевели на штабную работу, решил, что надо все-таки рассказать людям о том, как было. Помогли мне, написал несколько книг. Сейчас работаю еще над одной. Знаете, писать книги — это как дитя рожать. Если ребенок удачный, это хорошо и матери и людям, а если нет — и матери и обществу плохо...

Несколько часов в «каптерке» пролетели незаметно. Надо ехать. Адъютанты несут Сабесяку какие-то папки с делами, он подписывает документы, и, кажется, ему хочется оставаться там, в партизанском лесу. Когда едем в машине на Гданьскую верфь, Сабесяк замечает:

— Песня была у нас партизанская, сами сочинили, кто автор, не знаю. Пели мы ее, часто пели, а теперь приехал в Москву, спросил, никто не знает.

— А слова какие?

— Да вот какие,— и поет песню:

В темной ночи густой
Партизан молодой
Притаился с отрядом в засаде.
Под осенним дождем
Мы врага разобьем
И растопчем фашистского гада.
Нас ни мать, ни жена

Уж не ждут у окна,
Мать родная на стол не накроет.
Наши хаты сожгли,
Наши семьи ушли,
Только ветер в развалинах стонет.
Это ветер родной,
Он летит над страной,
Он считает и слезы и раны,
Чтоб могли по ночам
Отомстить палачам
За позор и за кровь партизаны.
Ночка темна была,
Не светила луна,
В темной роще костер разгорался.
Там немецкий обоз полетел под откос
И на собственной мине взорвался...

Тогда в машине я записал слова незнакомой мне песни, но оказалось, что она не забыта, как думал «Макс»: ее поют партизаны в советском фильме «Сильные духом», и, наверное, Сабесяк услышит ее...

Еще при первом знакомстве с журналистами гданьской газеты «Глос Выбжежа» они сказали:

— Маевский? Вам, наверное, будет небезынтересно встретиться со своим однофамильцем — начальником Гданьского аэропорта.

Начальником оказался Александр Маевский. Ранним утром я нашел его за стаканом чая в буфете аэропорта. Человек лет под 70 был одет в форму гражданского воздушного флота. Лицо его показалось знакомым. Я не сразу понял, что было в нем что-то «черчиллевское». Александр Бронеславович совершенно чисто говорит по-русски: он родился в Новороссийске, учился в Харькове, в реальном училище. Его отец, пришедший в Новороссийск на заработки, был участником революционных событий 1905 года. Сам он участвовал в гражданской войне, был в красной коннице, воевал с Петлюрой, а в 1920 году вместе с родными возвратился в Польшу.

Маевского привлекла военная карьера. Он окончил военно-авиационное училище. Когда гитлеровцы вторглись в Польшу, бежал через Румынию во Францию, а после оккупации Франции — на Британские острова. Работал инструктором летных школ, готовили летчиков, которые конвоировали суда. Был связан с польскими патриотами и британской ком-

партией. После освобождения Польши возвратился на родину, служил в авиации здесь, в Гданьске. В 1950 году подвергся аресту по обвинению в шпионаже, был приговорен к пожизненному заключению. Шесть лет спустя его реабилитировали, восстановили в партии и армии. В 1960 году вышел из армии на пенсию и через год стал работать начальником аэропорта.

Да, судьба моего однофамильца оказалась сложной.

— Знаете, всякое бывало,— говорит он.— Что вспоминать об этом.

Недавно он побывал в Советском Союзе, это была встреча с молодостью, и, полный впечатлений, он с волнением рассказывает о поездке.

— Наш поезд участников Октябрьской революции и гражданской войны, поезд дружбы, торжественно встречали в Ленинграде. Мы были в Смольном, в Зимнем дворце, на «Авроре», на Марсовом поле, на Пискаревском кладбище. Во Дворце дружбы состоялась приятная встреча с советскими ветеранами революции. А потом — Москва — Мавзолей Ленина, Кремль, Могила Неизвестного солдата. На заводе имени Ильича встретились с рабочими. Такое запоминается навсегда...

Вместе с Тадеушем, журналистом из местной газеты, мы долго бродили по гданьским улицам, и предо мной раскрывалось его прошлое и настоящее. Гданьск был разрушен больше, чем наполовину. Еще заметны его тяжкие раны, хотя город быстро отстраивается.

Чудом сохранилось здание старой ратуши, в котором теперь разместился воеводский Дом культуры. Поражают изумительная резьба по дереву, росписи стен и потолка, кафельные плиты гостиной: каждая плита с особым, неповторимым рисунком. Через дорогу — речушка, а на ней старая мельница с высокой черепичной крышей: теперь здесь выставочный зал.

Стены и башни древней крепости в центре города — словно каменная летопись истории.

Древняя тюрьма — «катница» — с петлями и кандалами, темными казематами. Была разрушена,

восстановили, превратили в музей. В небольшом внутреннем дворе, напоминающем дворы старинных английских гостиниц, любители самодеятельности играли Шекспира. А на другом конце площади — здание нового драматического театра с просторным зрительным залом, «стеклянными» фойэ и изысканными черными лестницами.

Вот и знаменитые «Золотые ворота» — парадный вход на «Старувку», как называется старая часть города. Средневековые здания, разрушенные войной, восстановлены с величайшей тщательностью: та же резьба по камню, фрески, украшения. Но внутри — современные помещения со всеми удобствами. Высится пика ратуши, поблизости фонтан «Нептун» — трудно поверить, что все это лежало в руинах, и нельзя не восхищаться мастерством тех, кто сумел воссоздать то, что казалось навеки утраченным.

Улицу преграждает здание бывшего королевского дворца, под ним ворота — выход на канал, где можно увидеть одну из удивительных диковинок: средневековый каменный подъемный кран — предшественник нынешних портовых гигантов.

— А теперь я покажу вам то, что обычно не замечают,— говорит Тадеуш.

На последнем доме перед дворцом — небольшие барельефы. На первый взгляд они ничем не отличаются от декоративных барельефов над окнами других домов. Но это — особые барельефы — шаржированные потреты архитекторов, которые восстанавливали «Старувку». Это скромный безымянный памятник.

Тот, кто видел поднятые из руин улицы Старего мяста в Варшаве, гданьской Старувки, восстановленных кварталов Щецина, Вроцлава и других польских городов, беспощадно разрушенных гитлеровцами, знает, какой подвиг совершили польские архитекторы, художники, реставраторы. Конечно, у некоторых возникает вопрос: а надо ли было тратить огромные средства, чтобы восстановить все это, кому нужно это средневековье, не лучше ли было построить новые дома, новые кварталы?

Нет, польские друзья поступили правильно. Нужно было восстановить все наперекор врагу, на-

перекор тем, кто хотел, чтобы не осталось камня на камне от этих древних польских городов. И особенно это важно на западных и северных землях. То, что сделано, могли сделать только подлинные хозяева этих земель. И они это сделали, не считаясь с трудностями.

Впрочем, польские архитекторы занимаются не только восстановлением разрушенного. Они ищут новые формы, новый стиль. Построено много нового. На одной из главных магистралей Гданьска поднялось необычное здание, похожее на колоссальный рейсмус или букву «Н»: две многоэтажные башни, соединенные ближе к верху стеклянным помещением вроде галереи. Глядя на великана, гданьцы улыбаются: «На цо та хата?» Говорят, наверху светлее, там будет конструкторское бюро, будут проектировать новые корабли.

КОРАБЛИ УХОДЯТ В МОРЕ

На теплоходе «Ромен Роллан» праздновали поднятие флага. Был серый, дождливый, в общем — балтийский день, но к таким здесь привыкли. Моросящий дождик и ветер не могли помешать празднику, как они не мешают работе. В кают-компании и других «салонных» помещениях сидели гости — польские судостроители, советские приемщики, моряки, советский консул. Новое судно поступало в распоряжение Черноморского пароходства, и наш торговый представитель шутил:

— Одесситы — люди предусмотрительные. Полюбуйтесь: крестная мать нового теплохода — жена начальника ОТК верфи. Знают, с кем иметь дело...

«Крестная мать» смеялась вместе с одесситами. Капитан теплохода благодарил польских судостроителей. Не знаю, какие моря и океаны бороздит теперь сухогруз «Ромен Роллан», но, должно быть, вспоминают там то балтийское утро, когда прощались с Гданьском, с верфью, на которой родилось это судно, с польскими друзьями.

Гданьская судоверфь имени В. И. Ленина — крупнейшая в Польше. С ее стапелей спущены сотни первоклассных судов, которые можно видеть во многих портах мира. Именно здесь родилась та особая, польская архитектура кораблей — устремленный вперед корпус, обтекаемые линии,— которая делает их легко отличимыми от судов, построенных на других верфях, и в далеких портах безошибочно говорят: «Поляк пришел!»

На верфи построены сотни судов для Советского Союза. Один из руководящих инженеров верфи рассказывает, как закладывались серии сухогрузов, лесовозов, траулеров для советского торгового флота, как создавали большую рыбообрабатывающую базу.

— Много работы?

— Мы довольны,— говорит инженер.— Советский Союз — наш главный заказчик. И горды тем, что помогаем пополнять флот первого социалистического государства.

В тот же день мы побывали на советском траулере «Лунь». Накануне там тоже праздновали поднятие флага. Это одно из советских судов, построенных на Гдыньской судоверфи имени Парижской коммуны. Капитан с готовностью показывал нам машинное отделение, «консервный завод», носовую рубку со сложными автоматическими устройствами для поиска рыбы, «глазами», видящими на 26 километров, автоматическим «пожарником». Нельзя было не удивляться тому, какое большое и сложное «хозяйство» умещается на таком скромном рыболовецком судне — одном из сотен подобных.

Гдыньская судоверфь возникла в 1927 году как немецко-английское предприятие. Десять лет спустя оно было выкуплено Польшей. Заложили сравнительно крупное по тем временам судно, должны были спустить его на воду в 1939 году, но началась война, гитлеровцы разбомбили верфь.

Теперь мы идем по цехам крупной современной, технически хорошо оснащенной судоверфи. Идем вслед за листом стали, взятым со «склада» — огромного двора стальных заготовок, где хозяйничают портальные краны. Лист готовят в дело, потом размечают, режут, придают ему нужную форму — и вот

уже угадывается в нем какая-то деталь будущего судна, и мы видим, как эта деталь находит свое место, получаются крупные части корабля, и могучие краны соединяют их в одно целое, и приходит день, когда на воду спускают танкер, сухогруз или траулер.

Гордость судоверфи — «Гдыньский великан», подъемный кран на 500 тонн, говорят, крупнейший в мире. И сухой док тоже внушительное сооружение, вступившее в строй в 1962 году. Судостроители рассказывают о том, что сделано, и за их словами чувствуется непрерывный творческий поиск. Недавно разработали технологию стыковки двух частей судна прямо на воде. Пока что это делали только японские судостроители.

Гудит, грохочет верфь, и внушительных размеров плакаты напоминают о правилах безопасности. Да как напоминают: жгучая блондинка надевает металлическую каску и, улыбаясь, говорит: «Береги голову!» Не какой-нибудь усатый ветеран говорит, а красавица-девушка, и уже не ясно, в каком смысле следует «беречь голову». Кто-то шутит по поводу столь привлекательной пропаганды технической безопасности, все смеются.

И вдруг смех стихает.

Вдоль серой стены цеха — красное полотнище: «Покарать гитлеровских военных преступников!» Это напоминание о 28-й годовщине нападения Германии на Польшу, о трагических днях оккупации, о еще не залеченных ранах и о новой неонацистской угрозе, родившейся в Западной Германии.

В Гдыне был многотысячный митинг трудящихся. Возлагали венки к памятнику советских героев, павших за освобождение Гдыни и Побережья от гитлеровских захватчиков, воздали должное славным польским патриотам, войсковой части защитников Побережья торжественно вручили почетное знамя.

На красных полотнищах читаем: «Да здравствует СССР — непобедимый оплот мира и социализма!», «Социализм защищает человечество от новой мировой войны!»

Да, социализм стал надежным щитом народов в

борьбе за освобождение, прогресс, безопасность. В далеких странах Азии, Африки, Латинской Америки, сбросивших или сбрасывающих цепи колониального гнета, видят в социализме путь ликвидации нищеты и отсталости, решения коренных проблем, путь к возрождению. Об этом много пишут и в этих странах, и у нас.

Но беда, наверное, заключается в том, что многие верят в слово «социализм» как в талисман: раз взял его, можешь не беспокоиться, все сделается само по себе. А социализм — это не талисман, не красивые слова, не длинные речи. Это прежде всего труд. Вдохновенный труд каждого и всех вместе. Труд, преобразующий землю и человека. Решение проблем, которые никому не приходилось решать раньше. Может быть, ошибки и неудачи. И, конечно, большие свершения, и радости, и «снова бой — покой нам только снится».

Мы говорили об этом с редактором партийной газеты по дороге в Щецин. Архитектор по образованию, он уже много лет на партийной работе и немало вынес на своих не очень-то широких плечах.

— Думал после освобождения: пройдет два-три года, социализм будет построен, вернусь к архитектуре,— говорил редактор.— А вот все приходится заниматься и хозяйством, и политикой. Не так-то просто строить социализм...

После освобождения польские земли лежали в руинах. В Поморье и на подступах к Одеру гитлеровцы цеплялись за каждый дом, за каждый камень: они знали, что отсюда вела прямая дорога на Берлин. Деревни были разграблены и разорены. Оккупанты не жалели города, и один за другим взлетали на воздух жилые кварталы. Порты и верфи в Гданьске, Гдыне, Щецине были взорваны. Из 9255 промышленных предприятий на западных и северных землях оккупанты уничтожили 6727. Они вывели из строя больше половины всех железных дорог, подвижной состав угнали, взорвали мосты.

Теперь, когда идешь по новым кварталам древних городов, по цехам новых заводов, можно представить себе, какой гигантский труд нужно было вложить, чтобы поднять из руин польские земли.

Поистине богатырский подвиг во имя строительства социализма совершили люди, пришедшие сюда со всех концов страны. И никто не расскажет об этом лучше, чем они сами.

Мы в Щецине. Это крупнейший порт Польской Народной Республики, расположенный в устье Одера. Здесь же находится вторая по величине — после Гданьской — судоверфь имени Адольфа Варского — выдающегося революционного деятеля, одного из руководителей польских коммунистов.

В парткоме судоверфи — самого большого предприятия города — собрались рабочие и инженеры, люди разных поколений и разных судеб. Пришли прямо из цехов — в комбинезонах, в металлических касках. Рассказывают, как поднимали из руин город, порт, судоверфь, и я знаю, что на месте моих польских друзей из Щецина могли быть такие же рабочие и инженеры других городов на Балтике и на Одере. Я слушаю рассказ о воскрешении польских земель.

Кадровый рабочий с большим партийным стажем и опытом коммунист Владислав Котовский вспоминает:

— Послала меня партия сюда, в Щецин, в апреле 1945 года. Приехал с женой и дочкой — ей тогда год минул, а теперь она уже закончила медицинский институт. Улицы были забаррикадированы, город уничтожен на две трети. От верфей остались одни развалины, даже вход было трудно найти. Все надо было начинать сначала, и первыми, кто восстанавливал разрушенное хозяйство, были советские солдаты и офицеры. Мы сердечно сотрудничали с советскими военными властями. Люди приезжали из разных воеводств, возвращались поляки из-за рубежа. Начала работать школа, а учебников не было, учили, как говорится, живым словом. На первом заседании городского совета докладывал я о продовольственном положении и думал: не выдержим. Выдержали. Видите, каким стал теперь наш город...

Город отстраивается, растет, его нынешнее население больше, чем довоенное. Говорят, что Щецин был спланирован архитектором, который строил Париж,— отсюда щецинские «этуали» и улицы, напо-

минающие парижские. Правда, война оставила в них зияющие провалы; некоторые уже заполнены новыми постройками, другие еще напоминают о трудных днях. В центре города, там, где поднимаются кварталы новых многоэтажных жилых домов,— административные здания, клуб моряков, высится Памятник Благодарности освободителям. В городе работают два драматических театра, оперетта, филармония, театр кукол, дом культуры, студенческая пантомима, детский хор, здесь есть музеи, несколько газет, телевидение.

Щецинский порт стал крупнейшим польским портом на Балтийском море, его грузооборот превысил 11,5 миллионов тонн в год. Понадобилось долгое путешествие на катере, чтобы увидеть хоть часть этого огромного пристанища кораблей под флагами многих стран, порта, который стал воротами в Балтику не только для Польши, но и для Чехословакии, Венгрии и других стран. Развиваются связи со скандинавскими странами. В Щецине, как и всюду на польских прибалтийских землях, звучит призыв: «Балтийское море — море мира!» Совместно с Германской Демократической Республикой создана океанская линия — «Униафрика», связывающая Балтику с Западной Африкой. Из порта уходят суда на Кубу. Это линия «Кубалко», в которой участвуют СССР, Польша, Чехословакия, ГДР, Куба. Из Щецина передается специальная радиопрограмма «Для тех, кто в море».

А Эдмунд Томач, технолог судоверфи, который принимает участие в нашей беседе в парткоме, хорошо помнит, что было здесь в 1945 году, когда, по призыву партии, он приехал в Щецин и в начале работал в какой-то частной мастерской по ремонту автомобилей.

— Вышли мы с отцом однажды в город,— говорит он,— и увидели разрушенный порт. Он произвел страшное впечатление. Отец сказал: бросай мастерскую, надо идти работать в порт. Помню, как подняли со дна и отремонтировали первый буксир. Назвали мы его «Тадеушем» — по имени матроса, который повел его. То была первая ласточка, впервые был поднят наш флаг. Мало нас было, но, когда пар-

тия сказала, что нужно половину людей отправить на верфи, что будем строить польские суда, люди пошли. Со временем и я перешел в судостроители, и сыны мои здесь: один окончил судостроительный техникум, другой — ученик слесаря на верфи.

С большим уважением относятся и старые и молодые судостроители к Люциану Вишневскому, старшему мастеру корпусных работ. Еще до войны был он кузнецом, и гитлеровцы в 1940 году заставили его работать на верфи в Гданьске — там была при оккупантах база подводных лодок. Бежал, поймали, бросили в концлагерь Штуттгоф, удалось спастись. После войны вернулся в Гданьск, вступил в партию. В 1948 году направили на работу в Щецин, пришел в кузнечный цех.

— Работали день и ночь,— рассказывает Вишневский,— никто не считался со временем, одна мысль была: скорее восстановить верфь. Конечно, были разные люди, иные гнались за деньгами, хотели легкой жизни, да что о них вспоминать! Коллектив работал самоотверженно, коммунисты показывали пример. Что говорить, нелегко было: ни кранов, ни оборудования. В 1951 году заложили первое судно для Советского Союза — «Чулым». Нам очень помогали тогда советские специалисты. С тех пор прошло 20 лет. Люди, которые не имели никакого понятия о море, стали настоящими моряками, и все признают сейчас: Польша — морская держава!

Да, это нетрудно подтвердить несколькими любопытными цифрами. Польша занимает десятое место в мире по тоннажу строящихся судов, четвертое место по экспорту судов, и второе — по строительству рыболовных судов. Она производит треть торговых и 20 процентов рыболовных судов, строящихся в странах Совета экономической взаимопомощи, стала главным поставщиком таких судов для Франции и обогнала по объему поставок французам верфи стран «Общего рынка». Среди заказчиков польских судов — полтора десятка стран. Советские заказы попрежнему имеют важнейшее значение для развития польских судоверфей.

— А помните,— говорит Винцент Кончальский, заместитель начальника одного из цехов,— как за-

кладывали киль первого судна? Кранов не было, использовали бочки. Заложили киль, а оказалось — неправильно, пришлось начинать все сначала. Теперь вон какие суда строим, выучились. И молодые переросли нас.

— Так вы же хорошо учили! — замечает Юзеф Пшебыло, начальник одного из отделов.— Теперь много опыта, знаем, что можем сделать, не боимся. Работаю я уже 15 лет, останусь здесь до пенсии.

— Пожалуй, до нее далеко еще?

— Время летит так быстро, что не заметишь.

Инженер Ежи Гонска тоже из «молодых», работает на верфи 10 лет. Мальчишкой был связным в партизанском отряде под Брестом, потом учился, окончил Одесский институт инженеров морского флота. Руководителем его дипломной работы в институте был кораблестроитель Лордкипанидзе — тот самый, что работал здесь, в Щецине, как и другие советские инженеры — Абрамов, Бульбак, Кузин, Рис. Польские товарищи с большой теплотой называют советских людей, которые помогали в тот трудный час, и просят передать им самую сердечную благодарность.

— Товарищ Рис очень строго принимал работу,— говорит Мечислав Вежбицкий, один из ветеранов верфи.— Но советские консультанты не считались со временем, работали в любые часы.

Вежбицкий — словно живая летопись тяжких времен Польши, польского рабочего класса. До войны он работал на Островецких заводах сварщиком. В 1939 году ушел в партизаны, был схвачен, сидел в тюрьме, попал в Освенцим. И сейчас в Освенциме хранятся документы на узника № 77030, снабженные фотографией Мечислава в полосатой робе — копию этого снимка показывают мне польские товарищи. Из Освенцима попал он в концлагерь Маутхаузен, потом в Гузен.

— Был там у меня друг, летчик Орлов,— вспоминает старый рабочий.— Палачи хотели утопить его, мне удалось выкупить его за 50 сигарет. Жив ли?..

После концлагеря целый год пробыл в госпитале, а потом приехал в Щецин, работал на металлурги-

ческом заводе, перешел на верфь, участвовал в создании сварочного цеха, днем работал, ночью учился, осваивал корпусное дело.

Рассказывает о своей судьбе секретарь парторганизации корпусных цехов Мечислав Конопка. Десятилетним мальчишкой гитлеровцы угнали его в Германию.

— Я узнал немцев там, в Германии,— говорит он.— Потом уж к трудностям было не привыкать. Отец получил путевку на западные земли, и с 1953 года попал я на верфь, работал, учился, стал технологом, мастером. Теперь любой знает, на кого работает, суда наши — мировой марки. Учусь дальше. Трудно, но надо.

— Раньше судно делали два года,— замечает Зигмунд Солтанович, мастер-электрик,— а теперь — за семь месяцев. Это благодаря старым кадрам и усилиям молодых, их инициативе. Главное сейчас — качество продукции, этим и приходится заниматься всем нам.

Заключает нашу беседу Мечислав Мушин, инженер, окончивший Ленинградский институт водного транспорта, первый секретарь парткома верфи.

— Когда начинали восстанавливать верфь,— говорит он,— был здесь один-единственный инженер. Теперь — 800 инженеров и техников. Тоннаж судов, сделанных в Щецине, уже превысил тоннаж всего флота довоенной Польши. И это благодаря помощи Советского Союза. Чего греха таить: ведь рискованно было давать нам большой заказ, когда мы только начинали дело. В нас поверили, а рабочие не пожалели усилий, чтобы сделать то, что могло показаться невозможным. Хороший народ здесь, настоящие патриоты своего города. Реваншисты в Западной Германии напрасно силы тратят, угрожая нам. Мы вернулись на свои земли, живем здесь и жить будем...

Западногерманским реваншистам неймется. Есть у них газетенка «Поммерше цейтунг». Чего только ни делает она со своими несчастными читателями! То выдумает какую-нибудь залихватскую историю о жизни на польских землях, то настрижет критических фактов из щецинских газет и вывалит их на

голову читателей, конечно, с соответствующей приправой, то выступит с очередной подстрекательской статейкой. Западногерманское радио старается сеять клевету, темные слухи.

У щецинцев крепкие нервы, они спокойно относятся к назойливому шуму из Бонна и его окрестностей. Здесь знают, что есть две Германии, крепят дружбу с соседями из Германской Демократической Республики, не полезут за словом в карман, когда надо по достоинству ответить реваншистской своре. Каков этот ответ? Вот что сказали судостроители Щецина, молодые и старые:

— Читали, что пишут в их газетах о наших землях. Напрасно время тратят. Каждый из нас понимает, что нам выпала благородная задача не только восстановить эти земли, но и сделать их притягательной силой, примером для других. Наш патриотизм, преданность партии и народу — вот ответ реваншистам.

— Отвечаем трудом, сплочением, памятью тех, кто погиб на этой земле во имя Родины.

— Мы хорошо живем, и пусть нас лучше не трогают. Кое у кого опять аппетиты разгорелись. Это смешно и безрассудно. Мы верим в свою силу и силу наших друзей...

Щецин динамичен, и динамизм придают ему люди, пришедшие сюда со всех концов Польши, но сумевшие воспитать в себе удивительный щецинский патриотизм. Я беседовал с рабочими, журналистами, студентами, служащими, партийными работниками, пенсионерами, и этих людей разных поколений, различных характеров роднило общее чувство принадлежности к своему городу, который они считают — конечно же! — лучшим в польском государстве. Какая сила сцементировала этих людей, придала их жизни такой динамизм?

— Партия — главный организатор всей работы по возрождению этих земель с первого дня их освобождения,— говорит Героним Неведомский, бывший первый секретарь Щецинского горкома партии, секретарь правления Общества польско-советской дружбы вот уже многие годы. Мы встретились с ним и другими ветеранами рабочего движения. Люди,

прошедшие суровую школу революционных боев, тюрем, подполья, сопротивления гитлеровцам, первыми пришли поднимать из руин польский Щецин.

— Положение было очень тяжелым,— рассказывает Неведомский.— Еще действовали гитлеровские банды, подпольная организация «Вервольф». Нападали на эшелоны, грабили и убивали в городе, поджигали магазины и склады. Надо было разгромить бандитов, быстро налаживать жизнь. Вам, наверное, уже говорили об этом, но я не могу не вспомнить о той огромной помощи, которую оказывали нам советские войска, советские представители во всем — и в организации администрации, и в восстановлении хозяйства, и в культурной области. А мы помогали, чем могли, раненым советским воинам. Партийцы были на самых трудных участках в нашем воеводстве, как и всюду. И партийная организация быстро росла. В 1945 году в воеводстве было 4200 коммунистов, в 1946 году — 31 тысяча, после слияния рабочей и социалистической партий в 1948 году — 53 тысячи. Сейчас в воеводской партийной организации около 60 тысяч человек. Мы очень рады, что трудное начало принесло свои добрые плоды, и мы будем, не жалея сил, развивать нашу щецинскую землю, укреплять дружбу наших народов...

Решены задачи, которые казались неразрешимыми двадцать, десять, пять лет назад, а жизнь выдвигает новые проблемы перед щецинцами. В воеводском комитете партии нам рассказывали:

— Успехи и достижения в экономической области в огромной мере зависят от того, как наши экономические и технические кадры овладевают социологией, психологией и, конечно, партийной идеологией. Развитие культуры расширяет кругозор, помогает укреплению социалистических, коммунистических отношений между людьми. Одна из наших проблем — превращение Щецина в центр научной деятельности. До войны здесь не было ни одного вуза, а сейчас их три. В политехническом институте создаем новые кафедры, которые должны связать его с морским делом. Сельскохозяйственный институт связан с рыбным промыслом: ведь рыбной ловле

в Африке не научишься на Ольштынских озерах. Создан медицинский институт.

— Мы хотим, чтобы стало вузом морское училище. Нынешнее педагогическое училище может вырасти в педагогический институт. Есть у нас «подпольный университет», в виде консультационной группы Познаньского университета. Это тысяча заочников, и есть возможность организовать у нас отделение университета. Решить все эти вопросы — значит обеспечить хорошую базу для развития общественной жизни города...

И еще проблемы, которыми заняты в воеводском комитете: планы дальнейшего развития порта Щецин — Свиноустье как порта для ряда социалистических стран; проект создания канала Одер — Дунай, который соединит Балтику с Черным морем; расширение работы радио, телевидения, печати. Приятно слышать: секретарь воеводского комитета партии говорит, что в городе хороший сплоченный коллектив журналистов, которые ведут большую партийную работу. С ними комитет обсуждает важнейшие вопросы, это живой, неутомимый народ.

Большой размах приобрело движение любителей щецинской земли. В каждом повяте такие любители создают культурные общества, знакомятся с прошлым и настоящим своего округа, организуют культурную жизнь, тесно связаны со студентами — выходцами из этих повятов, обучающимися в разных городах. Все общества объединяются в Щецинское культурное общество. По инициативе общества проводится фестиваль фильмов, посвященных морю, создается фонд интереснейших записей рассказов и выступлений ветеранов революции и освободительной борьбы — это очень важно для молодого поколения, для потомков.

На местах возникает полезная инициатива. В Хощно, например, родились ежегодные крестьянские «сеймики», съезды, на которых обсуждают и решают, какие в волости лучшие хозяйства, предприятия. Теперь такие «сеймики» собираются в большинстве повятов, чтобы подвести итог достижениям, обсудить перспективы. Одновременно проводятся большие культурные мероприятия. Уважение, лю-

бовь к прошлому своего города ставят такую важную проблему, как развитие музейного дела, и бюро воеводского комитета специально обсуждало этот вопрос. И еще об одном хочется сказать: по примеру ленинградцев щецинцы решили вручать каждому новорожденному в городе особую медаль — пусть с пеленок знает, что родился в Щецине.

«НАРОД — СЕБЕ»

Познань — это не западные земли.

Познань — это Великопольша.

Но древний польский город, возникший на реке Варте еще в IX веке, подпал в конце XVIII века под власть Пруссии и освободился от иноземного гнета лишь после первой мировой войны. В промежутках между войнами граница с Германией проходила, что называется, на ближних подступах к Познани. А потом — война, фашистская оккупация, систематическое истребление польской культуры и самих поляков, борьба за освобождение. Все это наложило особый отпечаток на город.

Мы идем по улицам Познани с Иосифом Лехом. Это высокий, седовласый, подстриженный «под бобрик», необычайно живой и веселый человек, уроженец Познани и ее безграничный патриот. Мы объясняемся с ним на русско-польско-немецко-английском языке, и я не перестаю думать, что мне очень повезло встретить Леха.

— Итак, прежде всего мы отправимся на ярмарку,— говорит он.

Международная Познанская ярмарка проводится ежегодно с 1925 года и хорошо известна во всем мире. Но ярмарка уже закрылась, и на ее территории проходят воеводские торги — ярмарка воеводского масштаба. Смотрим мебель, холодильники, телевизоры, галстуки, а время летит, Познани я не видел. Нет, давайте лучше отправимся в город.

С улицы Рузвельта мы переходим по Университетскому мосту на улицу Красной Армии. Сразу бросается в глаза тяжелое серое здание, похожее на гигантского слона, спрятавшего хобот. Это бывший

замок кайзера, а ныне Дворец культуры. А дальше — университет им. Адама Мицкевича, институт искусств, театр, памятник Мицкевичу. В гуще улиц вдруг поднимается многоэтажное цилиндрическое здание универмага. Его называют «кавемолка», «кофейница». Потом Лех обращает внимание на одно из зданий, стоящих как бы в провале между домами далеко от тротуара.

— Это польский театр,— говорит мой незаменимый гид.— И знаете историю его создания? Было это без малого 100 лет назад. Поляки захотели иметь свой театр, обратились к немецким властям за разрешением. Те говорят: можно, только, чтоб не было этого театра на улице, стройте где-нибудь в глубине двора. Собрали деньги — каждый давал, сколько мог, купили землю во дворе, построили театр. Видите надпись на фронтоне: «Народ — себе». Это был один из бастионов польского языка и культуры. Война разрушила дом, который выходил на улицу, и теперь театр виден.

Я не знаю Познани, но не сомневаюсь, что Лех ведет меня к сердцу города, к его средневековому центру: не родился еще тот поляк, который не покажет гостю самую заповедную часть своего города! И верно: мы выходим на Старый рынок — квадратную площадь средневековья со знаменитой ратушей и старинными домами в центре.

Все или почти все было разрушено гитлеровцами, и снова нельзя не восхищаться подвигом архитекторов и строителей, воссоздающих эти здания. Они стоят, тесно прижавшись друг к другу, и кажутся одним домом. Но присмотритесь: здания все разные: купцы, что были побогаче, делали на фасаде по два окна, а что победнее — по одному. И отделка фасада разная, колонны «аркады», нависшей над нижними этажами,— все разные.

Познанская ратуша была построена в конце XIII века, а затем перестроена Квардо ди Лугано в стиле Ренессанса в середине XVI века, и считается одним из выдающихся сооружений Европы. В 1954 году ее реставрировали, здесь разместился музей истории города.

Каждый день к 12 часам на площади перед рату-

шей собираются сотни людей — туристов и познанцев. Сегодня и я стою среди них, смотрю на стройную башню, на роспись стен, где изображены древнегреческие и древнеримские мыслители, восемь польских королей — Ягеллонов, выписаны статьи из польских конституций. В полдень на башне играет трубач. Распахиваются дверцы под часами, выезжают два козла с позолоченными рогами. Эти «козелки» и привлекают многочисленных зрителей.

Напротив ратуши — старинный дом, в котором проходят традиционные международные конкурсы скрипачей имени Венявского. Нынче вечером — закрытие конкурса, итоги — кажется, на сей раз не очень хорошие для наших музыкантов.

Я продолжаю восхищаться талантом архитекторов, вернувших Старому рынку его первозданную прелесть, но Лех решительно опрокидывает мой восторг:

— Взгляните вон туда, что вы видите?

— Ничего особенного.

— Ничего особенного! — возмущается он.— Здесь собрались восстановить «суконницу» — старинные торговые ряды. А построили два выставочных помещения в модернистском стиле — они же совершенно не гармонируют со всей остальной площадью!

— А может быть, эти современные постройки еще больше подчеркивают старину других?

Нет, Лех, кажется, не согласен. И я чувствую отзвук наших домашних споров: что ломать и что не ломать, что строить и что не строить. Как можно было снести московский храм Христа Спасителя, Триумфальные ворота, Сухаревскую башню? Как можно было построить кинотеатр так, чтобы он стал черным стеклянным фоном для Пушкина, а гостиницу так, чтобы она стала белым стеклянным фоном храму Василия Блаженного? У московских архитекторов, конечно, на все есть ответ, но споры не стихают.

Ничего не поделаешь, Москву и ломают, и строят, и многое непривычное сначала становится привычным: никому же не придет в голову восстанавливать жалкие домишки у Манежа или возрождать Охотный ряд в его первозданности. И мы сберегаем теперь

многое: посмотрите, как по-новому «заиграли» реставрированные храмы у стен гостиницы «Россия», как выгодно стал смотреться Политехнический музей. Я уже не говорю о нынешнем виде Кремля — нашей святыни, где среди старинных храмов и палат поднялся красавец — Дворец съездов.

Ведь Кремлю здорово не везло при царях-батюшках. Когда был построен Большой кремлевский дворец, Николай I приказал снести церковь Рождества Иоанна Предтечи, которая «мешала» виду на дворец со стороны Замоскворечья. И снесли эту, самую древнюю, первую на Москве церковь. А разве не плачевной была судьба собора Николы Гостунского, что стоял на Ивановской площади? Не кто иной, как дьяк этого собора Иван Федоров, положил начало книгопечатанию на Руси. Собор выстоял пожар московский. Но вот в 1817 году в Москву направились Александр I и прусский король, и велено было сломать древний собор в одну ночь, чтобы расчистить место для парада. Погибли великие сокровища московской архитектуры. А для постройки Дворца съездов убрали лишь старые казармы.

Так что, пан Лех, может, и не стоит жалеть о старых познанских «суконницах», потому что дистиллированная старина — это не всегда лучшее, что может быть. Впрочем, на эту тему предстоит еще много споров.

— Теперь сюда,— говорит Лех, и мы спускаемся в глубокий подвал пивной. Кажется, во всех подвалах всех польских городов устраиваются привлекательные погребки, где можно посидеть, отдохнуть, выпить кофе или еще чего-нибудь.

— Что будем пить?

— Пиво.

— Прошу пани, дайте нам два пива.

— Пива нет, прошу пана.

— Почему?

— У нас винница.

В «виннице» продают вино, а пиво не продают. За пивом надо идти в пивную. Традиция это или недостатки торговли, я не понял.

Лех попросил венгерского вина, и тут выяснилось, что оба мы неравнодушны к Будапешту, этому

красавцу на Дунае. Я был в Будапеште в 1956 году и вновь побывал там незадолго до поездки в Польшу, а Лех ездил в Венгрию не раз.

— Впервые,— вспоминает он,— довелось мне отправиться в Будапешт в начале 30-х годов. Я тогда работал в Варшаве, у представителя американской фирмы «Эм — Джи — Эм», занимался прокатом фильмов. Понадобилось подготовить для этого дела кого-нибудь в Венгрии, и меня послали в Будапешт. Время было трудное, безработица, нищета. Но я полюбил и город, и венгров, и вино венгерское. Езжу туда с радостью.

Во время войны Лех одним из первых вступил в родную Познань, открывал здесь и в городах на западных землях кинотеатры — 45 кинотеатров! — и шли к польским зрителям друзья нашей молодости «Веселые ребята», «Свинарка и пастух», «Депутат Балтики», незабвенный Максим, «Секретарь райкома». И с какой радостью их встречали на этой истерзанной врагами земле!

— Так вы говорите, были в Будапеште в ту трудную осень 1956 года? — возвращается Лех к началу разговора.— В те дни мы сидели вдвоем с редактором познанской газеты, пили чай с галетами и отвечали на телефонные звонки западных корреспондентов: «Познань горит?» — «Нет, не горит!» А им хотелось, чтобы Познань горела...

Что ж, у Познани, как и у всей Польши, есть немало «доброжелателей».

Вот, например, один из них — американский историк Адам Бромке. В 1967 году «русский исследовательский центр» при Гарвардском университете выпустил его книгу «Политика Польши: идеализм против реализма» — нечто вроде пособия для западных держав по вопросу, как им быть с Польшей.

Автор считает, что в минувшие два столетия Польша была ареной соперничества двух политических направлений — «политического идеализма» (союз с Западом, в частности с Францией, для «свержения восточного ига») и «политического реализма» (прагматический путь улучшения положения страны и борьбы против германской захватнической политики при поддержке России). Бромке находит, что это

соперничество не завершилось, поскольку-де «остается нерешенной» проблема польской безопасности, но теперь можно считать, что «политический реализм» одержал верх. Автору, скажем прямо, очень не нравится, что «коммунистические государства» признали границу по Одеру — Нейсе, что «коммунистический режим» завоевал доверие и поддержку польского народа.

Бромке уверяет, что в польских массах растет «политическая пассивность», и преодолеть «апатию», он полагает, можно лишь путем «разжигания национализма», неприязни к Советскому Союзу. Он советует западным державам: признайте также границу по Одеру — Нейсе, измените политику ФРГ в сторону «неприсоединения и ограниченной германской военной мощи», и поляки, дескать, пойдут на разрыв с СССР, вернутся к «политическому идеализму», и тогда они в руках Запада.

Старая пословица гласит: «Кто платит, тот заказывает музыку». Исследование Бромке финансировали «фонд Форда» и «фонд Карнеги», и вряд ли нужно уточнять, кому подыгрывает ученый мистер. Его «труд» можно считать одним из выражений теории «выборочного сосуществования», которую усиленно популяризирует американская пропаганда, пытаясь, в частности, выгораживать агрессию США во Вьетнаме. В Польше знают, какова цель такого рода теоретиков.

«Мы считаем,— пишут Генрих Яблоньский и Адам Кручковский в книге «Великая Октябрьская социалистическая революция и Польша»,— что мирное сосуществование является неделимым, и мы решительно против империалистической концепции так называемого выборочного сосуществования, которую в последнее время выдвигают США. Выборочное сосуществование — это попытка дифференцировать социалистические государства и провозгласить в отношении к одним так называемую политику мостов, а к другим — военную агрессию. Эта политика направлена на разобщение и ослабление социалистического лагеря, на расправу с социализмом. Она предусматривает также раскол внутреннего единства народов социалистических государств».

Вопросы международных отношений и внешней политики Польши всесторонне исследуются и разрабатываются польскими учеными. В Варшаве работает научно-исследовательский Польский институт международных проблем. А в Познани находится Западный институт — один из крупнейших научно-исследовательских институтов страны. Когда возник вопрос о поездке на Балтику и западные земли, варшавские товарищи сказали: «Непременно заезжайте в Познань и побывайте в Западном институте: это центр изучения наших западных земель и европейских проблем».

На Старом рынке, сразу за ратушей стоит небольшое здание, где когда-то были весы. Теперь здесь разместился Западный институт, в котором изучают политические курсы некоторых стран — это тоже требует большой точности.

И вот — дружеская встреча с польскими учеными в стенах института. За небольшим «круглым столом» директор института профессор доктор Владислав Маркевич, доктор Здислав Новак и другие сотрудники рассказывают о работе института.

— В Познани,— говорит доктор Новак,— были разработаны концепции польского государства в границах Одер — Нейсе как исконно польских земель. Во время войны исследования приобрели особое значение. Во-первых, нужно было создать историю фашистской оккупации Польши, во-вторых, изучить перспективы возвращения западных земель после разгрома гитлеровской Германии. Должен сказать, что работа велась еще во время оккупации, когда в Варшаве познанские и другие наши ученые создали подпольный институт. Работа велась в частных домах, собирали факты и документы, спасали научные ценности, учили и сами учились. После освобождения Польши Западный институт стал центром исследования всех проблем, касающихся западных земель. Так было примерно до 1956 года, когда стало очевидно, что процесс экономической и политической интеграции северных и западных земель шагнул далеко вперед, проблематика этих земель с точки зрения нашей внутренней политики потеряла ост-

роту, так как они стали неотделимой частью Польши. Но в международном аспекте приходится заниматься этими проблемами в связи с подрывной политикой империализма и боннских реваншистов...

Польские ученые рассказывают, что институт работает в разных областях науки — история, экономика, социология, культура, международное право — и в этой работе ныне можно видеть ряд основных направлений.

Институт продолжает заниматься вопросами северных и западных земель, но его исследования теперь носят синтетический, обобщенный характер. Отдельными, локальными проблемами занимаются институты, созданные в Щецине, Гданьске, Ополе. По-прежнему важную роль играет сектор, который ведет работу по истории гитлеровской оккупации Польши. Группа ученых исследует вопросы западноевропейской интеграции, «Общего рынка». Недавно вышла в свет книга доктора Новака, посвященная этим проблемам.

— В вопросе интеграции,— говорит доктор Новак,— мы различаем два аспекта. С одной стороны, техническая революция, исследование путей к экономическому сотрудничеству всех стран объективно можно расценивать как положительное явление. Этот процесс нельзя рассматривать абстрактно. И тут возникает другой, главный аспект интеграции — политический: Запад пытается объединить свои экономические возможности против других стран, против коммунизма. Это негативная сторона вопроса, и надо сказать, что интеграция в ее нынешнем виде на деле означает дезинтеграцию, раскол Европы. Естественно, что вопрос западной интеграции неотделим от роли ФРГ, от всей политики империализма и антикоммунизма...

Все важные вопросы, которыми занимается Западный институт, неразрывно связаны с главным направлением его работы — изучением германской проблемы, показом коренного различия между политикой Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германии, разоблачением боннского реваншизма. Центральной теме посвящено много статей, публикуемых в периодических изда-

ниях института, немало книг, и прежде всего два капитальных тома исследований — о ГДР и ФРГ.

Польские ученые последовательно вскрывают и показывают роль германского империализма — инициатора двух мировых войн, реваншистскую политику Западной Германии, мечтающей перечеркнуть военное поражение гитлеризма, добиться пересмотра существующих послевоенных границ, поглотить Германскую Демократическую Республику, подобраться к ядерному оружию.

Польша выступила инициатором ряда мер, направленных на укрепление европейской безопасности. Так, в 1957 году был выдвинут проект безатомной зоны в Центральной Европе, в 1964 году — план замораживания ядерных и термоядерных вооружений в Центральной Европе, заключения регионального договора о нераспространении ядерного оружия в этой зоне и сокращения вооружений при соответствующей системе контроля. В том же году польское правительство предложило созвать конференцию по вопросу безопасности и сотрудничества в Европе. Эти предложения встретили поддержку всех, кто заинтересован в укреплении мира и безопасности на старом континенте.

Изучение проблем современного империализма и европейской безопасности получает все более широкое распространение в социалистических странах, и роль Западного института в Польше трудно переоценить. Он стал одним из притягательных центров для ученых страны, играет роль координатора в разработке насущных политических проблем, состоит членом Комиссии международного сотрудничества академий наук социалистических стран по исследованию современного империализма. И, наверное, естественно, что такой институт возник и работает в Познани. Он создан народом и служит народу. На фронтоне его здания на Старом рынке с полным правом можно было бы начертать: «Народ — себе».

Положение на нашем старом континенте волнует каждого из нас, европейцев. Не раз говорилось, что прямую угрозу миру в Европе, безопасности европейских народов несет нынешняя политика США, та же политика, которая привела к развязыванию

агрессивной войны против вьетнамского народа. На протяжении всего послевоенного периода правящие круги США не жалеют усилий и средств для того, чтобы превратить Западную Европу в орудие глобальной политики Вашингтона, в основе которой лежит стремление остановить, а то и повернуть вспять процесс национального и социального освобождения народов.

Важнейшим орудием этой антинародной и антиевропейской политики стал военный блок НАТО, вожаки которого не прочь перенести порядки нынешней Греции на другие европейские страны. И разве не характерно, что чрезвычайные законы, принятые в Бонне, предусматривают введение чрезвычайного положения как по решению правительства ФРГ, так и на основании решений НАТО! Боннские лидеры клянутся в верности НАТО, настаивают на «решающем участии Соединенных Штатов в обеспечении свободы (!) в Европе». Они берут на себя роль главного пособника США.

В этом не только антисоциалистическая направленность политики Бонна, но и антиевропейская ее направленность. При содействии Америки западногерманские магнаты и их политические трубадуры надеются похоронить национальный суверенитет европейских стран и создать некие «Соединенные Штаты Европы», в которых Западной Германии принадлежала бы главенствующая роль. В новой исторической обстановке боннские экспансионисты хотят решить задачи, об осуществлении которых мечтал кайзер, выдвигая планы «срединной Европы», и которые путем вероломной агрессии, с помощью виселиц и душегубок решал Гитлер, устанавливая «новый порядок». Боннские чрезвычайные законы призваны обеспечить «прочный тыл» для осуществления империалистической, экспансионистской политики.

Западногерманские лидеры в союзе со своими американскими покровителями сделали все для того, чтобы сорвать выполнение Потсдамских соглашений и не допустить создания единой, демократической, миролюбивой Германии. Существование двух германских государств давно уже стало европейской реальностью, и Бонн лишь ставил себя в смешное по-

ложение, закрывая глаза на это. Но боннские правящие круги не отказались от своей провокационной, авантюристической политики в отношении Германской Демократической Республики. Нет, они, как и раньше, претендуют на право говорить от имени «всей германской нации», ведут подрывную работу против ГДР, норовят помешать развитию ее отношений с другими странами. Бонн добился от своих союзников по НАТО нового подтверждения отказа признать Германскую Демократическую Республику. Правительство ФРГ отвергло все конструктивные предложения правительства ГДР о развитии отношений между двумя германскими государствами.

Бонн и не думает отказываться от своих покушений на суверенитет ГДР, от посягательств на Западный Берлин, где то и дело учиняются реваншистские сборища. Меры правительства ГДР, направленные на укрепление суверенитета государства немецких трудящихся, нанесли серьезный удар по провокационным планам реваншистов, и не приходится удивляться тому, что они вызвали злобную реакцию боннских властей.

Канцлер Кизингер заявляет: «На нас возложена великая задача, задача нашего поколения — попытаться объединить немцев в едином отечестве мира и свободы». Может быть, канцлер решил осуществить в ФРГ Потсдамские соглашения, покончить с властью магнатов, преградить путь неофашизму, отказаться от чрезвычайных законов? Как бы не так! В Бонне не могут скрыть, что стратегическая цель политики западногерманских правящих кругов — стереть с карты Европы Германскую Демократическую Республику, сколотить империалистический «четвертый рейх» хотя бы в границах 1937 года. Это нелепые мечты. «Никогда не может быть больше единой империалистической Германии»,— пишет «Нойес Дойчланд», и это справедливые слова.

Объединенными усилиями социалистических стран выработана конкретная программа борьбы за укрепление мира и безопасности в Европе, изложенная в Декларации совещания Политического Консультативного Комитета государств — участников

Варшавского договора, заседавшего в Бухаресте в июле 1966 года.

Идея европейской безопасности и общеевропейского сотрудничества нашла дальнейшее выражение в решениях Конференции европейских коммунистических и рабочих партий, собравшейся в Карловых Варах в апреле 1967 года. В Заявлении, принятом на Конференции, дан всесторонний анализ политической обстановки в Европе, показана агрессивная роль американского империализма, раскалывающего Европу и поддерживающего притязания боннских реваншистов, вскрыты корни обостряющихся противоречий в НАТО, «Общем рынке», подчеркнута конструктивная, созидательная роль социалистических стран, в особенности социалистического германского государства — ГДР. Декларация отмечает глубокие сдвиги в общественном мнении Европы в связи с кризисом политики «холодной войны», растущее стремление европейских народов добиваться новых отношений на континенте, основанных на подлинной разрядке напряженности и взаимном доверии.

Коммунистические и рабочие партии Европы представили на рассмотрение общественного мнения и всех заинтересованных политических и общественных сил программу деятельности в интересах создания коллективной безопасности, основанной на принципах мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Это прежде всего требует, чтобы все государства признали реальную европейскую действительность, сложившуюся после войны. А это значит: признание нерушимости существующих в Европе границ, особенно по Одеру и Нейсе, а также границ между обоими германскими государствами; признание существования двух суверенных и равноправных германских государств — Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германии, что требует от последней отказа от притязаний на представительство всей Германии; исключение возможности доступа ФРГ к ядерному оружию в любой форме, в том числе в так называемой европейской, многосторонней или атлантической; признание мюнхенского договора недействительным с момента его заключения.

Идея укрепления мира и безопасности в Европе на основе общеевропейского сотрудничества все глубже проникает в сознание народов и становится большой силой в борьбе против реваншизма.

Политика, выработанная опытом народов, служит жизненным интересам народов. Это и есть: «Народ — себе».

Мы снова на улицах Познани.

В красочном познанском путеводителе туристам предлагается еще посмотреть музеи, дом пальм, ботанический сад, костелы, стадион, бассейн. Да, много интересного, но Лех везет меня к месту, которое, кажется, не названо в путеводителе.

Сталинградская улица ведет к зеленому холму, над которым возвышается обелиск с красной звездой — Памятник героям. Здесь похоронены польские патриоты, советские воины, военнопленные союзнических государств, убитые в концлагерях.

На холме — остатки цитадели, за которую почти целый месяц шли тяжелые бои. Но 23 февраля 1945 года, в день Красной Армии, части 1-й гвардейской и 8-й гвардейской армий 1-го Белорусского фронта завершили разгром гитлеровцев, взяв в плен тысячи солдат немецкого гарнизона Познани. Золотыми буквами по-русски и по-польски написан на мраморных плитах текст приказа, посвященного освобождению города. Боевые танки Войска Польского, теперь уже допотопный, а во время войны незаменимый «кукурузник» ПО-2, зенитные орудия стоят у старых казематов, напоминая о жарких боях на этих холмах. А в казематах оставшейся части цитадели фотографии, цифры, горы трофейного оружия рассказывают о трагической судьбе Познани, захваченной гитлеровцами, о героическом сопротивлении, о разгроме гитлеровцев. И как итог всего — на стене мелом по-русски: «Мин нет»...

В День победы 9 мая 1966 года познанцы заложили большой Парк польско-советской дружбы. Здесь поднимутся зеленые аллеи каждой советской республики, будут созданы новые культурные и спортивные сооружения. Это будет один из крупнейших парков города, и поднимется он на земле, обильно политой кровью народов-братьев.

КОЕ-ЧТО О ПРОСТРАНСТВЕ И ФОН ТАДДЕНЕ

Город Зелёна-Гура действительно зеленый, расположен на холмах и кажется удивительно тихим. Но тишина эта обманчива: жизнь здесь, как и всюду, на западных землях, очень динамична.

Тадеуш Каян приехал за нами рано утром, и мы отправились знакомиться с городом. Сташек, с которым мы выехали из Варшавы, возвратился в связи с делами в столицу, на смену ему приехал юный Витольд, так что мы — это он и я. А Тадеуш Каян — зеленогурский писатель, журналист, работник радио. Летом он был в Москве, заходил в «Правду», приглашал меня в Зелёна-Гуру, и вот мы снова встретились. Он ведет нас туда, откуда «сразу можно увидеть все».

Зелёна-Гура спешит на работу. Открываются магазины, неповоротливые автобусы сердито ревут в узких улочках. И, конечно, знакомая картина: шагают школьники в черных рубашках с белыми отложными воротничками, течет поток портфелей и ранцев.

Площадь Ленина. Площадь героев Сталинграда.

Тадеуш везет нас к небольшому кафе со смотровой башней, и, поднявшись на нее, мы, действительно, видим сразу все.

Вот поднимаются пики ратуши и костелов, черепичные крыши старого города — он совсем невелик и будто прижался к зеленым холмам красивой земли Любушской. Видны трубы новых и старых предприятий. Справа раскинулись кварталы новых многоэтажных жилых домов; слева, и там, за старым городом,— тоже новые кварталы, новые школы, Политехнический институт. Недалеко — здание президиума воеводского совета, перед которым остался на холме виноградник.

Посредине виноградника стоит стеклянное здание оранжереи. Выясняется, впрочем, что это не оранжерея, хотя там полно финиковых пальм и другой вечнозеленой растительности, а популярная «кавярня», где подают не только кофе, но и вино. Накануне здесь справляли «дожинки», и, судя по всему, было весело. В Зелёна-Гуре, где издавна занимаются

виноделием, справляют «дожинки» как большой и радостный праздник урожая.

После того, как с высоты птичьего полета мы увидели «сразу все», Тадеуш везет нас посмотреть детали. Зелёна-Гура — один из немногих польских городов, которые пощадила война. И теперь видно, как окружили небольшой старый город новые кварталы молодой Зелёна-Гуры. До войны здесь жили 25 тысяч человек, сейчас — около 70 тысяч.

Рост городского населения — характерная особенность западных земель, связанная с бурным ростом промышленности. В Зеленогурском воеводстве, на земле Любушской, что раскинулась на Одере меж Вартой и Нисой-Лужицкой, больше половины населения занято в промышленности, и не удивительно, что города растут. За годы после освобождения в воеводстве созданы новые крупные предприятия: завод синтетического волокна «Стилон», металлургический завод, вагоностроительный завод, завод электроаппаратуры, целлюлозно-бумажная фабрика и другие. Найдены значительные запасы газа, специалисты продолжают разведку нефти. Закладывается база химической промышленности.

Здесь, как всюду, нужны квалифицированные кадры. Кузницей их становится Политехнический институт, гордость города. Вот его просторные корпуса. Первый камень института заложил в 1963 году Юрий Гагарин. Два года спустя начались занятия. Главная институтская аудитория — большое круглое здание — носит имя первого космонавта. Сейчас тут идут приготовления к началу учебного года, и над входом уже висит плакат «Добро пожаловать!»

Теперь зеленогурцы думают о создании сельскохозяйственного и педагогического институтов. А до войны в Зелёна-Гуре было всего три школы, и каждый третий не умел ни читать, ни писать.

— Население воеводства,— рассказывает секретарь воеводского комитета партии,— очень молодое, и это накладывает отпечаток на всю нашу жизнь. Половина людей родилась здесь после освобождения, и примерно 60 процентов всего населения до 30-летнего возраста. В нашем воеводстве родился первый на этих землях ребенок у матери, которая сама

родилась здесь после войны. Теперь таких много. Конечно, немало трудностей. Школ строим много, а их все не хватает, нужны новые предприятия, чтобы занять молодежь. И главное — воспитательная работа с молодежью, вовлечение ее в активную общественную жизнь. Думаю, что нам удалось кое-что сделать...

Как и другие северные и западные земли, Зеленогурское воеводство столкнулось с проблемой интеграции разношерстного населения в послевоенный период. И здесь, быть может, в большей степени, чем в других местах, огромную роль сыграло культурное движение. С 1948 года, когда Зелёна-Гура стала воеводским центром, развернулось создание местных культурных очагов — домов культуры, самодеятельных коллективов, кружков любителей истории, кружков песни и танца, любителей художественного чтения, небольших музеев. Местные общества и организации позже слились в Любушское общество культуры, которое придало массовому культурному движению новый размах.

Со многими довелось встретиться в Зелёна-Гуре, и все говорили о Любушском обществе культуры как о любимом детище. Оно приобрело добрую славу во всей Польше.

— Это первое культурное общество такого рода в нашей стране,— говорил Тадеуш Каян.— Перед нами стояла важная задача: преодолеть сложившуюся давным-давно «деревенскую жизнь» этой земли. По инициативе любителей возник литературный журнал «Над Одже». Он стал популярным литературным журналом. Было создано литературное издательство, которое начало печатать книги молодых поэтов, книги по истории земли Любушской, сборники статей. Теперь у нас открыто отделение Союза польских писателей, наши молодые писатели создали ряд первоклассных произведений, нашедших признание читателей во всей стране...

В Зеленогурском воеводстве родилось замечательное начинание — фестиваль советской песни. Он развертывается по всей стране: в каждом повяте, в воеводствах проходят массовые конкурсы на лучших исполнителей советских песен. В них участвуют

сотни тысяч людей — рабочие, крестьяне, студенты, домохозяйки, школьники, лучшие исполнители выступают в Зелёна-Гуре. Фестиваль стал популяризатором советской песни — народной, революционной, военной и современной.

Любушское культурное общество уделяет внимание и художникам, среди которых многие увлекаются тем, что называется абстракционистской живописью. И, разумеется, нельзя было упустить случай посмотреть выставку «Пространство и выражение», расположившуюся в здании зеленогурского музея. В ней принимали участие не только зеленогурские, но также варшавские и зарубежные мастера.

Итак, мы отправляемся на выставку.

Вход на второй этаж выкрашен в ядовитый фиолетовый цвет, и сразу чувствуешь себя так, будто очутился между десятком рефлекторов «синего света», которыми лечат прострелы. Потом идет ядовито-красная стенка, и мы попадаем в лабиринт, по стенам которого не висят, а торчат прикрепленные ребром картины: серая плоскость — белая черта на сером, белая черта на черном, круги разных цветов, обрамленные белым, какие-то плоскости на стенах и под потолком.

Все это или нечто подобное я уже видел на выставках Лондона, Токио, Мельбурна и бог знает каких еще городов, поэтому можно было не задерживаться. Но вот наш гид сказал:

— Вы не пугайтесь, я пойду вперед.

Сквозь небольшую низенькую дверь виднелось что-то белое, и я наивно решил, что там идет ремонт и понадобилось закрыть пол и мебель полотнищами: в музеях всегда что-нибудь ремонтируется или реставрируется. Но войдя в дверь, мы очутились в лабиринте «картины», сделанной из чего-то похожего на парашют, резиновые лодки и надутые камеры пятитонного грузовика. Мы пробирались через «лабиринт», под нами «дышал» полунадутый, должно быть, резиновый пол, было ощущение тесноты и давки.

Наверное, художник и хотел добиться подобного эффекта, но, честное слово, он слишком все усложнил. В конце концов, гораздо больший эффект тес-

ноты и лабиринта дает обыкновенный утренний троллейбус или вагон метро, забитый до отказа: пробираться через него несравненно труднее.

Потом мы попали в комнату-«картину» с черными стенами и черными шарами разных размеров, свисавшими с потолка, разместившимися у стен и по углам. Тут я почувствовал себя прогуливающимся в космосе среди каких-то погасших звезд — это сильное ощущение.

Дальше была «дышащая композиция»: на красном фоне — два больших круга, затянутых белыми полотнищами; по ним свободно свисали палочки; с помощью электричества белые полотнища вздымались, палочки трепетали, и создавалась иллюзия чего-то дышащего. Служительница выключила ток — и «дыхание» замерло.

А в следующей комнате сквозь черные рамки метра по три высотой проступала разрезанная вдоль фигура девицы — с одной стороны — одна половина, с другой — другая. На потолке — черная лодка с чем-то напоминающим скелет и черно-белые весла. «Картина» на сельскохозяйственную тему: на фоне пашен и лесов — сетка с причудливо растрепанным венком, склеенным из бумаги; под кругом из фотографий — уродливая масса, возможно, изображающая человека.

Комната-«картина» под названием «Композиция». На полу — пни разной высоты, в потолок вмонтированы трубы, над пнями свисают зубчатые диски пил. Все это должно двигаться, но служащая беспомощно разводит руками:

— Я не знаю, как пустить в ход. Там есть механизм...

Витольд храбро лезет сквозь дыру в механическую часть «картины», что-то крутит и дергает там, но картина не движется, раздается лишь скрип, не предвещающий ничего хорошего. Кто-то замечает:

— Не ломайте искусство!

Наш гид говорит:

— Знаете, а мне чем-то нравится это. Только не могу сказать, чем...

Я не могу сказать, что мне нравится «Композиция». Скорее, наоборот. Наверное, это какой-то поиск

художника, может быть, бесплодный, но это сделал тот самый Тадеуш Добош, который создал выразительный памятник Благодарности, что стоит в центре города, а он, видимо, талантливый мастер.

— Что думает пани об этих «картинах»? — спрашиваю у работницы выставки. Пани пожимает плечами:

— Если говорить откровенно, мне все это не нравится.

— Посетителей много?

— Много.

— И как они?

— Большинство ругается...

— А вы что думаете, Витольд?

Молодой человек пожимает плечами: дескать, что же тут скажешь.

В музее расположена небольшая, но любопытная выставка работ представителей польской новой живописи — Виткевича (Виткацего), Швистека, Стреминского. Это талантливые художники своеобразной манеры, об их работах спорят, далеко не всем они нравятся, но это уже классики «современного искусства».

На одной из картин Виткацего написано: «На выставку картин 1955 года — после моей смерти». А умер он в 1939 году. И сама по себе эта вера в будущее и, если хотите, в людей воспринимается сегодня по-особому остро на земле, у которой, казалось, не было будущего.

Время, время...

По-новому живут на польских землях, меняется политический климат Европы, весь мир изменился за последние два десятилетия, и только в Бонне время будто остановилось. Западногерманское телевидение передает сводку погоды по карте Германии в границах... тридцатилетней давности. Зеленогурский журналист смеется:

— Подумать только, в Бонне переживают, будет ли у нас, в Зелёна-Гуре, завтра дождь...

Они там, в Западной Германии, не только пользуются старой картой. Они словно законсервировались сами. В Грюнберге, как называли по-немецки Зелёна-Гуру, бюргеры делали вино, и вот где-то в

боннском царстве существует, оказывается, завод под названием «Грюнберг вайнбрандт». В дни, когда зеленогурцы справляют веселые «дожинки», в полумраке боннских пивнушек тени прошлого собираются на свои реваншистские «дожинки». И в хмельном угаре чудится им старый Грюнберг.

Сегодня наше воображение было испытано столько раз, что я без труда могу совершить еще одну манипуляцию с пространством и временем.

Я снова поднимаюсь на башню, с которой утром мы увидели Зелёна-Гуру. Я представляю себе, что видят отсюда тени старого Грюнберга. Эти красивые многоэтажные дома справа — долой, и новые предприятия — долой, и новые школы, и Политехнический институт — долой. И тогда остается тусклый двадцатипятитысячный городишко, в котором служаки рейха получали вместе с пенсией землю и строили себе коттеджи, целые улицы коттеджей.

Я иду по этим улицам, иду по дороге, потому что тротуаров нет: служаки рейха не собирались ходить пешком, они ездили, а до остальных им не было дела. Точно так селились английские колонизаторы где-нибудь в Бангалоре или Мандалае, захватывая индийские и бирманские земли...

Древняя польская Любушская земля считалась «хинтерландом» — заштатной окраиной рейха. Вспомните: каждый третий не умел ни читать, ни писать, и это было, главным образом, бедняцкое польское население. Да, да, в Грюнберге было всего три школы. И не была эта глухая провинция как, впрочем, и другие занятые немцами земли, чем-то вроде «кормилицы» рейха, как об этом любят распространяться теперь в боннских пивных.

Нынешние западные и северные земли Польши, так называемый «германский Восток», о котором кричат реваншисты, давал в 1927—1928 году — это был год самого высокого производства в сельском хозяйстве — лишь 3,2 процента всего потребляемого в Германии зерна, 2,5 процента картофеля, 4,5 процента свинины, 1,5 процента скота. Так что «хинтерланд» был даже не колонией, это были задворки рейха, отданные во власть потомственным и непотомственным немецким грабителям.

На захваченных польских землях старались вытравить все, что могло напомнить об их польском прошлом. В 1930 году немецкие власти приказали уничтожить стены старинного пястовского замка в Ополе, чтобы построить на его месте административное здание, в котором позже разместились и штаб-квартира гитлеровской партии, и гестапо. Во время стройки неожиданно обнаружили в земле остатки древнего поселения. Прибыли археологи, посмотрели, убедились, что это славянское поселение XI века, и ценнейшую находку... зарыли. Только после освобождения Ополе историческая справедливость восторжествовала.

Чем отличается от довоенных немецких археологов нынешний федеральный канцлер Курт Кизингер? Выступая в 1967 году на ежегодном собрании объединения издателей газет в Гамбурге, он утверждал: «История говорит о том, что территории к востоку от Одера — Нейсе являются исконными германскими землями». А его заявление в вашингтонском национальном клубе печати 18 августа 1967 года по поводу мюнхенского сговора? «Чехословакия,— говорил Кизингер,— постоянно требует от нас согласия с тем, что мюнхенский договор недействителен с самого начала. Это, разумеется, неправильно». Канцлер слывет юристом и историком, но разве не видно, что он пребывает в непримиримом конфликте и с историей, и с правом подобно своим предшественникам Аденауэру и Эрхарду, не говоря о более ранних?

В Западной Германии действуют «сообщество борьбы против отказа от восточных германских областей», «союз изгнанных», «постоянный совет восточногерманских землячеств», объединяющий ряд реваншистских организаций. Каждый год во многих городах ФРГ организуются реваншистские сборища. Вот хотя бы некоторые факты, относящиеся к 1967 году.

19 февраля федеральное «собрание судетских немцев» приняло решение, отвергающее Потсдамскую декларацию и требующее, чтобы боннское правительство не отказывалось от мюнхенского соглашения. Два дня спустя, в Бонне под председательством Кизингера состоялась встреча правительства с руко-

водителями «землячества судетских немцев» и «постоянного совета восточногерманских землячеств». Встреча, как указано в коммюнике о ней, проходила «в атмосфере доверия» и завершилась заявлением о том, что «преступление изгнания не может быть признано».

В марте, апреле, мае 1967 года с руководством «землячества судетских немцев», с президиумом «союза изгнанных» и с советом «землячества юго-восточных немцев» встречался президиум социал-демократической партии Германии.

15 марта на съезде парламентского совета «союза изгнанных» присутствовало около шестидесяти депутатов всех фракций бундестага. 15 апреля боннский министр по делам перемещенных лиц фон Хассель и министр по общегерманским вопросам Венер приняли участие в весеннем слете «объединенных землячеств Средней Германии». Канцлер Кизингер и министр иностранных дел Брандт выступили на съезде «союза изгнанных» 29 апреля. Участников дня «судетских немцев» 13 мая в Мюнхене приветствовали фон Хассель и тогдашний министр внутренних дел Люкке. Там же, в Мюнхене, в июле состоялся «германский слет силезцев», особый характер которому придали речи министров Штрауса и Венера.

10 сентября 1967 года шабаши реваншистских «землячеств» проходили в Штутгарте, Гамбурге, Эссене и других городах. Как всегда, захватчики и поработители требовали «права на самоопределение и родину», «границ германской империи», короче говоря, ликвидации ГДР, отторжения польских, чехословацких, советских территорий. Министр Люкке приказал по случаю реваншистского шабаша вывесить государственные флаги на всех правительственных зданиях.

Перечень такого рода реваншистских «слетов» и «встреч» с участием руководителей боннского правительства можно было бы продолжить, но и сказанного достаточно, чтобы видеть, каким безграничным покровительством федерального правительства пользуются реваншистские «землячества». В министерстве по делам перемещенных лиц, которым руково-

дит фон Хассель, сохраняя повадки военного министра, окопалось немало бывших гитлеровцев — специалистов по подрывной деятельности. Например, среди начальников отделов министерства можно видеть Вильгельма фон Аулока — одного из руководителей гитлеровской пятой колонны в Данциге перед нападением фашистов на Польшу. Хорст Грэбе также содействовал нападению на Польшу в рядах пятой колонны, а затем был одним из руководителей оккупационных властей. В бандитских действиях против польского народа принимали активное участие и нынешние сотрудники министерства Зильвериус Краус, Герхард Вольфрум и другие.

Во время войны Гитлер присваивал звание «вервиртшафтсфюрера» (фюрера военной экономики) наиболее рьяным своим помощникам из числа крупных монополистов. Среди них были такие главари военных концернов, как Фликк, Крупп, Квандт, Тиссен, Рехлинг, почти все члены правления концерна ИГ Фарбен, руководители крупных немецких банков. Все 112 «вервиртшафтсфюреров» Гитлера, проживающие в Западной Германии, вновь занимают решающие посты в экономике и государственном аппарате. И гитлеровские экономфюреры все еще не расстались с надеждами захватить чужие земли, чужие богатства, чужие заводы и фабрики.

В Западной Германии вышел специальный выпуск «Немецкого акционерного общества с восточным имуществом 1966—1967 гг.». В нем западногерманские концерны требуют — ни много, ни мало! — «возвращения» 863 предприятий в ГДР, 282 предприятий в Польше, 21 предприятия в Чехословакии, 25 предприятий в СССР. И, конечно, среди претендентов на чужую собственность — главные пособники Гитлера — концерны ИГ Фарбен, Фликк, Сименс, Крупп, АЭГ и прочие.

Но самое пристальное внимание привлекает сегодня покровительство и поддержка, которые оказывает боннское правительство так называемой «национал-демократической партии» (НДП) — прямой наследнице гитлеровской фашистской партии.

Советский Союз и другие социалистические страны не раз обращали внимание Бонна на то, что нео-

нацистская НДП — это часть ныне существующего в ФРГ общественно-политического порядка, что политика ФРГ, как внешняя, так и внутренняя, не только не препятствует росту сил нацизма и милитаризма, но и способствует этому.

Боннские правящие круги все еще пытаются делать вид, будто ничего особенного не происходит. Да и что может сказать правительство ФРГ? Может ли оно опровергнуть общеизвестные факты?

Разве боннское правительство может отрицать, что в ноябре 1967 года в Ганновере проходил съезд неонацистов, что их программные документы живо перекликаются с гитлеровскими программными документами, содержат ту же проповедь милитаризации, требуют открытого воссоздания «германского генерального штаба», захвата чужих территорий?

На ганноверском съезде «фюрер» неонацистов Адольф фон Тадден обрушился против «марксистской классовой борьбы» и заявил: «Не солидарность классов, а солидарность нации ведет к подъему». Это откровенный перепев Адольфа Гитлера, который еще в 1933 году провозглашал: «Мы должны разрушить интернациональную солидарность пролетариата, чтобы построить жизненную национальную солидарность немецкого народа». Как видим, у двух Адольфов одна антикоммунистическая национал-шовинистическая платформа, и разве не разделяет ее правительство Бонна, запрещая Коммунистическую партию Германии, бросая в тюрьмы борцов за мир, ратуя за драконовские «чрезвычайные законы», направленные прежде всего против трудящихся масс?

Можно, конечно, сколько угодно твердить о «миролюбивой политике федерального правительства», как это делают в Бонне, но никуда не уйти от того, что на протяжении многих лет внешняя политика ФРГ имеет в своей основе непризнание существующих европейских границ, притязания выступать «от имени всех немцев», непризнание ГДР и организацию провокаций против государства немецких рабочих и крестьян, посягательство на Западный Берлин, требования доступа к ядерному оружию. В каждом из этих аспектов боннской политики кроется угроза

миру и безопасности в Европе; все вместе они перекликаются с положениями, которые содержатся в программе НДП, принятой на ганноверском съезде. В ней говорится об отказе «признать реальность» послевоенного устройства Европы, утверждается, будто «Федеративная республика... несет ответственность также за немцев» вне Западной Германии...

Покровительство реваншистским «землячествам» и неофашистской НДП — это еще одно подтверждение всей фальши разговора Бонна о какой-то «новой восточной политике», о стремлении ФРГ улучшить-де отношения с социалистическими странами. Покушаться на суверенитет ГДР, поощрять неонацистов, которые требуют «Северную и Западную Польшу, Восточную Германию и Судетскую область», не хотят считаться с тем, что гитлеровский рейх ликвидирован раз и навсегда, и одновременно говорить об улучшении отношений с соседними социалистическими государствами — это наивная попытка ввести в заблуждение народ Западной Германии и мировое общественное мнение. Разве путь реванша — это путь к улучшению отношений?

Столь же несерьезны и утверждения о «вмешательстве во внутренние дела», к которым прибегает Бонн каждый раз, когда ему указывают на растущий разгул неофашизма. Напомним: четырехстороннее Потсдамское соглашение предусматривает искоренение германского милитаризма и нацизма, полное разоружение и демилитаризацию Германии, запрещение производства всех видов вооружения и орудий войны, уничтожение национал-социалистической партии, роспуск всех нацистских учреждений и обеспечение того, чтобы они не возродились ни в какой форме. До заключения германского мирного договора никто не может освободить четыре державы — США, Англию, Францию и СССР — от ответственности, которую они несут по этим соглашениям, равно как ничто не может освободить Западную Германию от обязательств, которые лежат на ней в результате поражения гитлеровской Германии во второй мировой войне и акта о безоговорочной капитуляции.

Потсдамское соглашение требует ликвидации всех корней фашизма и реваншизма в Германии. То, что

неонацизм в Западной Германии набирает силу, показывает, что эти корни не выкорчеваны. Борьба за ликвидацию милитаризма и неонацизма в Западной Германии — это не вмешательство во внутренние дела, а выполнение Потсдамских соглашений, и об этом не следует забывать в Бонне.

Кто поощряет Бонн поддерживать реваншистских и неонацистских выродков? Вашингтон и Лондон. Да, там признают обязательства по Потсдамскому соглашению. Но США и Англия тем не менее пытаются игнорировать факты и прибегают к голословным утверждениям о приверженности Бонна «демократическим принципам», о его стремлении «ослабить напряженность» и тому подобное. В официальных американских и английских заявлениях даже не упоминают слово «неонацизм». Может быть, в Вашингтоне и Лондоне никогда не слышали ни о НДП, ни о речах фон Таддена?

Зато в западных столицах смело заявляют, что «утверждение, будто Федеративная республика угрожает своим соседям, совершенно беспочвенно». Как хорошо осведомлены там о боннских замыслах! Но прежде чем делать столь категорические заявления, не мешало бы спросить, что думают о боннских планах в ГДР, Польше, Чехословакии, Австрии, Италии и других странах, против которых непрерывно ведется подрывная, диверсионная работа со стороны Западной Германии.

Бациллы неонацизма — опасные бациллы, и нельзя позволить им распространиться. Погасить очаг неонацистской угрозы в ФРГ — вот задача, которую должны решить народы Европы, если они не хотят повторения прошлого.

Если бы Гитлер решил по-своему проблему «жизненного пространства», нашим зеленогурским друзьям вряд ли довелось бы заниматься абстрактным постижением пространства.

Но поворота к прошлому не будет, сколько бы западногерманское телевидение ни предсказывало погоду по карте тридцатилетней давности.

ПЛУГ И КНИГА

— Вы на западные земли? Обязательно посмотрите новый фильм «Сами свои»,— говорили мне.

«Сами свои». Вроде бы это звучит по-русски, но что значит — не совсем ясно. Спрашиваю, как перевести — поляки руками разводят. Наверное, «сами свои» все-таки значит «свои люди — сочтемся». Но дело не в названии.

Кажется, кинокомедия удалась. Зрители смеются над забавной историей двух семейств, эдаких Монтекки и Капулетти «из-за Буга», переселившихся на западные земли. Старики враждуют, а их дети влюбляются друг в друга, и после всех сложных и смешных перипетий дело кончается не трагедией, как у Шекспира, а появлением на свет нового поколения ко всеобщей радости переселенцев.

Фильм покорил зрителей своей искренностью, жизненной правдой, гуманизмом. Наверное, в нем есть свои недостатки — в каком фильме их нет! — но каждого кинокартина заставляет думать о переменах, которые происходят в землях польских.

Я ехал по дорогам между Одером и Нисой-Лужицкой и думал о том, что все рассказанное в фильме могло происходить в любой из деревень на нашем пути.

Вот стоят крестьянские дома — каменные, приземистые, словно крепости. Местами видны следы ран войны, должно быть, угодил снаряд или большие осколки; теперь все отремонтировано. И заборы стоят, и ворота. Пики деревенских колоколен поднимаются из-за могучих придорожных деревьев. И ребятишки — в форме с белыми воротничками — спешат в школу. Кажется, все так и было тут давным-давно.

А было не так — и польские товарищи рассказывают об этом со всей откровенностью.

Люди приезжали в пустые деревни. Еще бесчинствовали бандиты, приходилось отбивать их атаки. Земля, которую надо было пахать, оказывалась заминированной, и мины взрывали гранатами, и танки давили минные поля, прокладывая дорогу крестьянскому плугу. Были такие, что сперва чувствовали себя неуверенно на этой земле. Были и такие, что,

заработав кое-что, уезжали на восток. Понадобились годы, чтобы люди ощутили себя хозяевами своей земли, вросли в нее, как говорится, корнями.

— Было время,— рассказывали польские товарищи,— когда государство давало кредиты, стройматериалы, говорило крестьянину: ремонтируй дом, строй, что нужно. Но кредиты оставались неиспользованными, дело делалось медленно. Где-то в середине 50-х годов начался перелом. А теперь почти все восстановлено, а сколько строят! Посмотрите, какие дома, усадьбы. Когда крестьянин дом капитально отремонтировал или новый построил, когда он забор поставил и сад насадил, значит, он тут навсегда остался. Реваншисты, конечно, не забывают о нас — и радио кричит, и «туристы» иной раз заглядывают. Едет такой бизнесмен из Западной Германии на Познанскую ярмарку, потом, глядишь, завернет в «свою» деревню, к «своему» дому, говорит крестьянину: «Смотри хорошенько за домом, мы вернемся — тебя не забудем». Ну, теперь наши научились давать такой ответ, что в другой раз незваный гость вряд ли рискнет заявиться...

Сельское хозяйство Польши добилось определенных успехов. Сейчас оно дает примерно на 50 процентов больше продукции, чем в предвоенное время, хотя в нем занято на 3 миллиона людей меньше, чем до войны. Но еще остаются не решенными многие проблемы, есть немалые трудности. В 1966 году индивидуальным крестьянским хозяйствам в Польше принадлежало около 85 процентов сельскохозяйственных угодий и они давали почти 88 процентов валовой продукции и более 81 процента товарной продукции сельского хозяйства. Конечно, прогресс строительства социализма меняет характер деревни, используются многие инструменты планового воздействия государства на индивидуальный сектор — тут и капиталовложения, и политика цен на сельскохозяйственные продукты и средства производства, и наличие государственного сектора в сельском хозяйстве.

Госхозы выполняют важные хозяйственные и общественные задачи. В 1946 году госхозы располагали полутора миллионами гектаров сельскохозяй-

ственных угодий; ныне они хозяйствуют примерно на трех миллионах гектаров. Большая часть госхозов — на западных землях, и становление их было делом особенно трудным из-за разрухи, ограниченных возможностей государства в первые послевоенные годы, нехватки кадров, машин. За два десятилетия госхозы, развитию которых государство уделяло постоянное внимание, шагнули вперед, стали движущей силой социалистических преобразований польской деревни.

Среднегодовой прирост урожая зерновых и картофеля в госхозах превысил вдвое показатели сельского хозяйства в целом. Госхозы становятся рентабельными. В последний, 1965 год предыдущей пятилетки их прибыли превысили 250 миллионов злотых. Госхозы превратились в опытные полигоны для внедрения в сельское хозяйство новой техники и технологии производства. Особую важность сейчас имеет уборка комбайнами зерновых и сахарной свеклы, механическая сушка сена, строительство современных сушилок для зеленых кормов и картофеля с целью увеличить запасы концентрированных кормов и облегчить решение зерновой проблемы. Передовые госхозы служат хорошей школой для подготовки сельскохозяйственных кадров.

В новой пятилетке — 1966—1970 годах — госхозы получат крупные ассигнования на капиталовложения: около 43 миллиардов злотых. Средства будут израсходованы на развитие семенных и животноводческих хозяйств, строительство сушилок, освоение новых земель, закупку машин. Одна из важных и пока не решенных проблем — жилищное строительство в госхозах. В 1961—1963 годах строилось по 5 тысяч комнат в год — и это, конечно, не могло удовлетворить нужды. В нынешней пятилетке предполагается построить 100 тысяч новых жилых комнат, удвоится количество детских яслей и детских домов, будут созданы новые поликлиники и медпункты.

Может быть, эти общие сведения будут полезны читателю, если учесть, что в Зеленогурском воеводстве треть пахотных земель принадлежит государственным хозяйствам. Мы решили заехать в какой-нибудь госхоз и посмотреть, как там идут дела.

Шофер останавливает крестьян, везущих только что собранную свеклу, спрашивает:

— Где тут госхоз?

— А в Далькуве,— говорит молодой парень и показывает, куда ехать.

По дороге, усаженной старыми, отживающими свой век яблонями, въезжаем в усадьбу за красными кирпичными стенами. Похоже, это была усадьба какого-то немецкого барона: под лестницей валяется снятый с дома герб с тремя коронами. А дом занят под правление госхоза, клуб, кафе; часть используется под жилье.

В правлении беседуем с руководителем госхоза Эдвардом Балья. Он с 1946 года работает на западных землях, один из первых организаторов государственных хозяйств, награжден Золотым крестом заслуги, медалью 1000-летия Польши, медалью за заслуги в развитии земли Любушской. Уже 10 лет в Далькуве. Госхоз — многоотраслевой, имеет 1400 гектаров земли, выращивает зерновые, сахарную свеклу, картофель, имеет животноводческую ферму. Работает в госхозе 260 человек.

— Как успехи?

— Показатели неплохие, выше средних по стране,— говорит пан Балья.— Пшеницы собираем 32 центнера с гектара, ячменя — 38,6, картофеля в прошлом году собрали по 245 центнеров, сахарной свеклы — 425 центнеров с гектара. Машин стало больше. Важна для нас животноводческая ферма. Крестьянам даем хороших телят, породу скота улучшили. Экспортируем скот в Италию: доходное дело. Чистая прибыль хозяйства в 1966 году составила 1360 тысяч злотых. Значительные средства выделили на премии, у нас хорошие кадры...

Рабочие приглашают к себе, показывают свое не очень просторное, но добротное жилье. Вот старая пани — ну, конечно же, она «из-за Буга», будто из фильма «Сами свои». А это ее сын — он прямо из мастерской, руки еще не успел вымыть,— молодой парень. Сейчас переоденется, пойдет в клуб, что в бывшем помещичьем доме. Там уже собирается народ смотреть телепередачи, пить кофе, беседовать...

Побывали мы и в сельской школе не так далеко

от Далькува, в селе Гавожице. Два двухэтажных школьных здания стоят на пригорке за костелом и домами — дальше уже начинаются поля. В скромной директорской комнате нас принимала Михалина Лащевская, невысокого роста пожилая женщина, учительница и организатор, пионер освоения западных земель. Она приехала на эти земли в 1945 году и была первой учительницей в своем повяте.

— Все пришлось начинать с начала,— рассказывает пани Лащевская,— не с науки, а с наведения порядка. Вставляли стекла, делали парты, столы — ведь все было разбито...

Я слушал польскую учительницу и вспоминал суровый 1942 год, подмосковный город Наро-Фоминск, куда приехали мы, молодые учителя, только что закончившие институт. Гитлеровцам так и не удалось перейти тихую речку Нару, но бои изуродовали город. На месте пожарищ торчали печные трубы, высились скелеты многоэтажных корпусов. Рабочие текстильной фабрики, выведенной из строя, восстанавливали цеха и ремонтировали школы, и учителя были малярами и плотниками, стекольщиками и штукатурами. Ученикам давали «на завтрак» 25 граммов хлеба и ложку сахарного песка — это было уже большим достижением, учителя нередко пухли с голоду, не хватало дров, не хватало бумаги, учебников, а школы работали, и мы уже твердо знали, что самое худшее позади...

Михалина Лащевская говорит:

— 1 сентября 1945 года дети, 93 человека, пошли в школу — и какой это был праздник для всех нас! А книг не было, тетрадей — тоже, собирали старую бумагу, писали на обороте. Люди были из разных мест, вначале не обошлось без антагонизма, а потом сроднились. Теперь у нас школа-восьмилетка, 16 классов, 400 учеников — из нашего и окрестных селений, 14 учителей...

Хожу по классам — школа как школа: и кабинеты, и карты, и таблицы, и стенгазеты, и монтажи. И ученики — такие же, какие были в нашей нарофоминской школе, и учителя молодые, сами только что со школьной скамьи. Есть что-то прекрасное в этой неизменности, в этом родстве поколений, и осо-

Освенцим.

Один из крематориев концлагеря.

Политехнический институт в Зелёна-Гуре.

Мои знакомые из Гавожице.

Вроцлав. 1945 и 1965 гг.
Снято с одной и той же точки.

На заводе «Эльвро».

Горняцкий Забже.

Мирная Ниса.

На границе с ГДР.

Памятник в Катовицах рабочим, восставшим в двадцатых годах.

бенно радуюсь тому, что нашел это здесь, далеко от Нары. Те, кто ходил в нашу школу в далекие военные годы, уже сами стали отцами и матерями, и их дети, наверное, пошли в институт.

— Да,— говорит Михалина Лащевская,— из окончивших школу многие стали инженерами, врачами, офицерами, партийными работниками, специалистами в сельском хозяйстве. В повяте во всех учреждениях работают наши ученики; придешь по делу — и в очереди стоять не приходится...

Школа тесно связана с госхозом; при ней организуются курсы для рабочих, а госхоз оказывает материальную помощь. Есть и родительский комитет, который заботится о школьных делах. Вот недавно решили строить физкультурный зал, каждое хозяйство помогает деньгами и трудом. Когда половина необходимых средств будет собрана, другую половину даст государство. Ну, заботы, конечно, лягут на плечи директора, и нам остается лишь пожелать новых успехов пани Лащевской.

Польская система народного образования претерпела существенную перестройку в послевоенные годы, и происходило это в трудных условиях. 20 тысяч учителей погибло во время оккупации. Больше половины школьных зданий было разрушено, прежде всего нужно было решать проблему ликвидации неграмотности, сделать общедоступным обучение на уровне неполной средней школы, реорганизовать четырехклассные сельские школы в семиклассные. Дело делалось, и в 1952 году кампания по ликвидации неграмотности была завершена. Если в сельских школах до войны училась половина детей школьного возраста, то уже в 1961—1962 году их число возросло до 90 процентов. До войны лишь 14 процентов молодежи в возрасте 14—17 лет посещали средние школы; в 1961—1962 годах в средних школах училось свыше 72 процентов юношей и девушек этого возраста.

Новые задачи, вставшие перед развивающимся хозяйством страны, повлекли за собой в 1962 году перестройку школьной системы. Базой среднего образования стала восьмилетняя школа, которая готовит выпускников для дальнейшего обучения в четырехлетних общеобразовательных лицеях или худо-

жественных училищах, четырехлетних и пятилетних техникумах, двухлетних профессиональных сельскохозяйственных школах.

Польские товарищи говорили, что реформа проводится в жизнь, но вокруг школы продолжается большая дискуссия. Я отнесся к этому спокойно, ибо всем своим опытом ученика, студента педагогического института, учителя и директора школы уверовал, что школа обладает замечательным свойством переносить все реформы, которые то и дело обрушиваются на нее.

Судите сами. Когда 40 лет назад пришло время идти мне в школу, судьба наша решалась с помощью «тестов» и зависела от того, как быстро могли мы манипулировать (складывать и вычитать) копейку, две копейки, три копейки и пятак. Стоило замешкаться — и можно было угодить в нерадивые, а то и просто в дефективные. И почтенным экзаменаторам не было дела до того, что многие из нас к тому времени не только не ворочали столь крупными суммами, но даже в руках не держали их.

А потом был «бригадный метод», перекраивали группы в классы, создавали девятилетку, отменяли и вводили экзамены, организовали десятилетку, разделяли школы «для девочек» и «для мальчиков», объединяли их, сделали восьмилетку и одиннадцатилетку, снова возвратились к десятилетке. И, несмотря на все это, школа учила читать и писать, закладывала знания, выпускала юношей и девушек, которые потом становились инженерами, писателями, космонавтами, академиками. В общем, школа обладает удивительной жизнеспособностью, она не боится дискуссий и реформ, всегда надеется на лучшее.

Нет, я не стану утверждать, что польские друзья решили все свои проблемы. Конечно, и в сельском хозяйстве Польши немало сложных и еще не решенных проблем, и именно этот вопрос обсуждался на сентябрьском (1967 года) Пленуме ЦК ПОРП, который наметил пути дальнейшего развития сельского хозяйства страны. Но когда видишь, как много сделано в польских землях за минувшие два десятилетия, веришь, что польским труженикам и эти сложные задачи по плечу.

Мы распрощались с друзьями из Зелёна-Гуры, и впереди снова дорога. Она бежит через холмы и перелески, через поля, на которых убирают картофель и сахарную свеклу, через деревни с пиками колоколен и небольшие селения всего в несколько дворов.

Давно пролегла эта дорога. Когда-то посадили вдоль нее деревья, они стоят состарившимися стражами, несут свою тенистую вахту. Наверное, хорошо людям от этих стариков. Впрочем, если даже хорошо людям, то автомобилям плохо, а автомобиль в наше время имеет решающий голос. Это он заставил расширять городские улицы, передвигать или ломать здания, выкорчевывать бульвары, расширять площади, строить стоянки, гаражи, бензоколонки, трехэтажные хитросплетения виадуков и бесконечные тоннели. Это он гонит людей в низкие, тесные и затхлые подземные переходы, которые словно нарочно делаются так, чтобы приучать человека к мысли о том, что все мы «там будем».

А вырвется автомобиль из города — подавай ему широченные бетонные автострады, «фриуэи», мосты — и чтоб никаких перекрестков! На узкой старой дороге автомобиль чувствует себя будто в мышеловке, то и дело тычется в черные стволы деревьев, получает увечья. И полный сострадания к машине человек сначала белит стволы деревьев в надежде, что их заметит мигающий глаз автомобиля. Но это, конечно, не помогает. Тогда человек решительно берется за пилу и топор, и падают вековые стражи на обочину. Бульдозер (по-польски он выразительно называется «спыхач») и каток спешат расширить дорогу, а человек стыдливо сажает по обочинам тоненькие хлыщи тополей: дескать, все в порядке. И железный баловень судьбы, сердито фырча, мчится дальше...

Мы едем в Болеславец.

Этот город дорог сердцу каждого русского, советского человека: 16(28) апреля 1813 года, преследуя бегущую армию Наполеона, здесь скончался Михаил Илларионович Кутузов. Жители силезского города чтят память великого русского полководца, и первый поляк, которого мы спросили, где находится памятник Кутузову, указал нам дорогу.

Я читал надписи на черном мраморном обелиске, что стоит на небольшом бульваре, и думал: хорошо бы встретить человека, который показал бы дом, где провел свои последние 10 дней Кутузов. Вдруг неподалеку Витольд увидел советского офицера, гуляющего с маленьким мальчиком. Бывают же совпадения: это оказался майор Иван Николаевич Самохин, начальник музея Кутузова.

— Музей — это и есть дом, где жил Кутузов,— говорит он, показывая на старинное двухэтажное здание с балконом и мансардой.— Но он сейчас закрыт: ремонтируемся. А на кладбище, где похоронено сердце Кутузова, я вас провожу.

И вот перед нами ворота кладбища славы русского оружия. В каменных нишах стоят друг против друга изваяния солдата Отечественной войны 1812 года и солдата Великой Отечественной войны. Прапрадед и внук. Присмотритесь: они похожи друг на друга. И обоим пришлось бороться против вражеского нашествия и гнать непрошеных гостей.

Когда русские войска подошли к Болеславцу, который назывался тогда Бунцлау, старый полководец приказал подать коня и верхом въехал в город. Хотя уже была весна, день выдался сырой, холодный, Кутузов занемог. Должно быть, сказались все невзгоды его походной жизни: и считавшаяся смертельной пуля, которая лишила его глаза в сражении под Алуштой, и тяжелая рана под Очаковом, и царская опала, и боль Бородина, и пожар московский. До последнего часа работал Кутузов, отдавал приказы, слал депеши, но подняться уже не смог.

Тело полководца перевезли в Петербург и похоронили в Казанском соборе, а сердце осталось на деревенском кладбище близ Болеславца. Над могилой поднимается невысокая колонна, увенчанная лавровым венком, и надпись на мраморной доске гласит:

«Здесь лежит сердце князя Смоленского фельдмаршала КУТУЗОВА».

В феврале 1945 года под Болеславцем воины 1-го Украинского фронта громили фашистских захватчиков и на кладбище близ дороги увидели эту надпись.

Теперь у памятника лежит плита, на которой высечено:

«Великому патриоту земли русской
фельдмаршалу
МИХАИЛУ ИЛЛАРИОНОВИЧУ
ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ
в день 132 годовщины его смерти
28 апреля 1945 года

* * *

Среди чужих равнин, ведя на подвиг правый
Суровый строй полков своих,
Ты памятник бессмертный русской славы
На сердце собственном воздвиг.
Но не умолкло сердце полководца,
И в грозный час оно зовет на бой,
Оно живет и мужественно бьется
В сынах Отечества, спасенного тобой!
И ныне, проходя по боевому следу
Твоих знамен, пронесшихся в дыму,
Знамена собственной победы
Мы клоним к сердцу твоему!

От воинов Красной Армии,
12 февраля 1945 года
вступивших в город Бунцлау»

12 февраля Болеславец был освобожден, советские солдаты отыскали дом, где умер Кутузов, и сберегли его. Павших в боях с фашистами на польской земле похоронили рядом с сердцем Кутузова. Стоят гранитные надгробья над могилами освободителей, среди них — Герои Советского Союза, среди них сержант Зайцев, что закрыл своим телом амбразуру вражеского дота, чтобы расчистить путь наступавшим.

На зеленом холме высится обелиск в память бессмертного ратного подвига тех, кто не посрамил прапрадедов. И в бессменном карауле стоят каменные солдаты у входа на кладбище.

МИРНАЯ НИСА

За рулем нашей «Варшавы» — уже немолодой, худощавый человек с непослушным вихром волос, спадающим на лоб, и какой-то грустной усмешкой. Это Ришард. Машину он ведет спокойно, не суетится, и мы поспеваем всюду с большой точностью, несмотря на остановки в пути, не предусмотренные расписанием. В Зелёна-Гуре поселился он несколько лет назад, раньше был в Варшаве — и все за баранкой.

— Люблю я эту работу,— говорит Ришард.— Конечно, давно мог найти себе другое дело, но не хочу. Нравится. Сядешь за руль, едешь, людей повидаешь, поговоришь — интересно. И все думаешь.

— О чем же?

— О разном. Но больше — о войне. Вот мы Жагань проезжали — помните, памятник недалеко от дороги? Там был «Сталаг VIIIЦ». Стандартный лагерь для военнопленных летчиков — англичан, американцев, русских. Как-то я видел американский фильм. Показывают вроде бы этот лагерь. Убежали отсюда американские летчики, а начальник лагеря — гитлеровец плачет: как бы не пришлось наказать беглецов. Американцев поймали, вернули, и ничего не случилось. Не фильм, а цирк какой-то,— улыбается Ришард и продолжает: — Меня немцы схватили в Варшаве в сорок втором, и очутился я в концлагере под Щецином. Были там поляки, русские, французы и немцы были — политические и те, кто бежал из армии. Их тоже держали в бараках, и так же работали они, и эсэсовцы так же издевались над ними. Помню, привезли немца — дезертировал с флота. Его били каждое утро — по 50 плетей. А он кричал: «Гитлер капут!» У эсэсовцев аж пена у рта — так били. Дней десять это продолжалось, потом моряка увезли. Думаю, убили. Для нас знаете что это было: немец — и вдруг «Гитлер капут!». Освободила нас Красная Армия в 1944 году. Как пришли русские — кухню сразу закрыли, никого не подпускали: оказывается, фашисты, удирая, отравили пищу. Советские солдаты уже знали, что гитлеровцы так делают. Кормили нас из полевой кухни. Я тогда 40 килограммов весил —

всего-навсего. Трудно у нас найти семью, в которой кто-нибудь не погиб бы или не пострадал.

— Как и у нас,— говорю я.

— Да, конечно. И на этой земле ваших тысячи и тысячи полегли! — говорит шофер.— Ну, вот и Згожелец...

Впереди видны пики костелов, но, оказывается, это уже за границей, в Германской Демократической Республике. Дорога сворачивает налево и тянется вдоль Нейсе или Нисы-Лужицкой — неширокого притока Одера. Это тихая речка в зеленых кудрявых берегах. На левом берегу — германский город Гёрлиц, на правом — польский Згожелец. Здесь нас встречает корреспондент «Газеты работницкой», рассказывает о жизни на границе.

6 июня 1950 года была подписана Варшавская декларация об установлении германо-польской государственной границы. Месяц спустя, 6 июля, здесь, в Згожельце, Польша и ГДР подписали договор, закрепивший государственную границу между Польшей и Германией от Свиноустья вдоль Одера и Нисы-Лужицкой до чехословацкой границы. Это произошло в здании бывшего военного музея, который теперь стал дворцом культуры. Там, где некогда прославлялось захватническое немецкое оружие, ныне прославляется разум человека. В залах дворца размещена выставка советской и польской книги, посвященная 50-летию Октября.

Вот она, государственная граница.

Через мост, по обоим концам которого пограничники несут службу, идут люди: поляки — в Гёрлиц, граждане ГДР — в Згожелец. У всех дела. Города тесно связаны между собой. На гёрлицких предприятиях немало згожельских рабочих. В пролетарский праздник 1 Мая к мосту с обеих сторон стекаются колонны трудящихся, приветствуют друг друга. С общей трибуны на мосту к польским и немецким труженикам обращаются руководители партийных комитетов двух городов. Немцы участвуют в праздновании польского национального праздника 22 июля, поляки — немецкого — 7 октября, обмениваются делегациями на празднование Великого Октября, посылают друг другу хоровые ансамбли, фут-

больные команды. А в субботу и воскресенье многие жители из ГДР отправляются в Польшу на «уикэнд».

— Мы здесь,— рассказывает наш гид,— принимаем программы телевидения Польши, ГДР и Чехословакии.

— Ну и какие лучше?

— Польские, конечно.

— Объективно?

— Честное слово!

Теперь мы едем в Турошув, расположенный в узком «вореке», «мешке» в верховьях Нисы на стыке границ Польши, Чехословакии и ГДР. Здесь вырос крупный промышленный центр социалистической Польши.

На дороге мелькает знак с надписью «Ренчин», и наш гид поясняет:

— Отсюда ровно полкилометра до Чехословакии и полкилометра до ГДР.

Пожалуй, именно здесь легче всего представить себе, как важно — и с экономической и с политической точки зрения — тесное братское сотрудничество между тремя соседними странами — Польшей, Чехословакией и Германской Демократической Республикой. В марте 1967 года в Варшаве был подписан на следующие 20 лет новый договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Польшей и ЧССР, а затем — подобный договор между Польшей и ГДР. Выступая по случаю подписания договора с ГДР, Владислав Гомулка, в частности, сказал: «...Этот договор, вместе с польско-советским и польско-чехословацким договорами, служит не только безопасности наших стран, он одновременно укрепляет мир и безопасность в Европе».

Здесь — мирная граница, и, наверное, поэтому ее не чувствуешь. Крестьяне работают в поле, убирают картофель. Гигантские опоры электропередач запросто шагают через Нису, за которой дымят трубы германской электростанции. А вот и Турошувская станция — одна из крупнейших в стране.

Директор Еугениш Мруз был занят. Мы ожидали его в небольшом кабинете, где стояла застекленная витрина с какими-то металлическими изделиями. Нет, это не могли быть детали. Скорее, это были

произведения искусства в духе абстракционизма, хотя в них угадывалось и что-то реальное: вот нечто похожее на змею, а это — орел...

Наверное, мы долго ломали бы себе голову, если бы не появился директор — высокий, моложавый, приветливый. Выяснилось, что коллекция «металлоабстракций» — «хобби» Мруза. И самое удивительное, что это не искусственные изделия, а естественные. В шарово-барабанных мельницах, применяемых для размельчения бурого угля, металлические части снашиваются и приобретают совершенно неожиданные формы.

— Вот я и собираю диковинные штуки,— рассказывает директор.— Каждый из этих предметов связан с жизнью предприятия, я помню, где нашел, как это случилось. Ведь из тысячи деталей может попасть лишь одна действительно выразительная. Вот это, например, «кобра» — правда, похожа? А это — «коррида» — смотрите, как сражаются. Эта прижатая спираль — рост жизненного уровня, вот голова пястовского орла, вот эти три звена одной цепи — наша дружба на стыке трех стран.

Директор быстро складывает какие-то металлические части:

— Актер Цибульский. Не правда ли, похож?

Черт возьми, действительно похож!

Потом вместе с главным инженером Мечиславом Юхой мы осматриваем станцию и слушаем подробный рассказ Мруза и Юхи о том, как создавалось это крупное предприятие польской энергетики.

Решение о строительстве горно-энергетического комбината было принято в 1958 году; до 1962 года существовал комбинат, ныне угольные разработки и электростанция — самостоятельные предприятия. Мощность станции— 1400 мегаватт, сейчас работают над тем, чтобы повысить ее до 2000 к 1971 году, а после дальнейшей модернизации — до 2200 мегаватт. Спроектировал станцию польский «Энергопроект», строилась она с помощью 17 стран.

— Котлы были сделаны по западногерманским лицензиям,— рассказывает директор,— турбины — ленинградские, генераторы — харьковские, паропроводы — чехословацкие, вентиляция — датская, авто-

матика — польская и английская — всего не перечесть. Первая турбина пущена в 1962 году, последняя — седьмая — в 1965 году. Это говорит о темпах, которыми мы строили: каждые пять месяцев сдавали в эксплуатацию блок. Турбины и генераторы — самые хорошие, и это я говорю не потому, что вы из Советского Союза. Они по качеству выше многого другого оборудования, показывают максимальные возможности. А вот котлы приходится реконструировать, оказались некачественными, западногерманские фирмы подкачали. Пришлось об этом сказать в беседе с торговыми делегациями ряда стран,— был там, кстати, и представитель Западной Германии.

— Первые технические кадры,— говорит Юха,— набирали по всей стране. Потом создали у себя профессиональную школу, выучили людей. Сейчас в ней учится 350 человек. Открыли техникум, теперь несколько десятков специалистов учатся заочно в институтах, получают высшее образование.

— Знаете,— замечает Мруз,— мы как-то не задумываемся над своими буднями, а гости из разных стран недавно побывали у нас, посмотрели, говорят: большое впечатление производит станция, особенно поражают быстрые сроки строительства. И верно: наши рабочие трудятся хорошо. Выросли кадры.

Электроэнергия Турошувской станции поступает в энергосистему Польши и через нее—в энергокольцо Польша — Чехословакия — Венгрия — СССР — Румыния — Болгария — Польша. Главный диспетчерский пункт энергокольца находится в Праге. Есть также «малое кольцо»: Нижняя Силезия — Чехословакия — Верхняя Силезия — Нижняя Силезия.

Интересно отметить, что в 1955 году в Польше была 431 электростанция общей мощностью 4180 мегаватт, а в 1966 году — только 381 станция, но мощность их увеличилась до 9920 мегаватт. Ликвидируются малые, неэкономические станции, строятся новые, крупные. Однако доля Польши в мировом производстве электроэнергии все еще составляет лишь 1,3 процента. В 1967 году польские строители заканчивали новые предприятия, и общая мощность электростанций увеличилась до 11 тысяч мегаватт.

Турошувская электростанция работает на буром

угле, который составляет главное богатство «ворека». Уголь добывают на шахтах «Туров-I» и «Туров-II», которые дают сейчас около 15 миллионов тонн.

Границы ГДР — рядом, видны трубы предприятий на той стороне, и между Польшей и ГДР тесный контакт. К двадцатилетию Турова немецкие товарищи подарили польским горнякам барельеф: рабочие двух стран по-братски пожимают друг другу руки. Монумент дружбы стоит перед зданием шахтоуправления, на котором алеют плакаты в честь Великого Октября.

В шахтоуправлении встречаемся с заместителем директора по делам рабочих Тадеушем Гайдой. Родился он в Варшаве, в 1944 году гитлеровцы вывезли его в Германию, после освобождения Красной Армией вернулся в столицу, а потом поехал на западные земли. Кончил профессиональную школу в Катовицах, экономическую школу во Вроцлаве, Высшую инженерную школу в ГДР. Вот уже несколько лет он на административной службе, все надеется, что сможет перейти на производство.

После войны работы велись на старой шахте «Туров-I», уголь шел для электростанции в Хиршвальде за Нисой. Добыча в 1945—1947 годах составляла не более 2,5 миллиона тонн. В последующее десятилетие добыча возросла до 6 миллионов тонн: сложились польские кадры — из силезских шахтеров, а также реэмигрантов из Бельгии, Франции. С постройкой польской электростанции развернулось строительство шахты «Туров-II» — с самой современной транспортной системой, современным оборудованием — из ГДР, Советского Союза и, разумеется, польским. Обе шахты могут давать теперь до 17 миллионов тонн. Уголь поступает на туровскую станцию, на станцию в Хиршвальде и другим потребителям.

— Вопросы, которые приходится нам решать,— говорит Гайда,— наверное, такие же, как и на других предприятиях. Но у нас есть своя сложность: маленький «ворек» не имеет места для постройки поселков, жилищ. Поэтому строительство идет за семь километров отсюда в Богатыне или в Згожельце. Строим школы, профшколы, детские сады, ясли,

общежития — конечно, есть трудности: в двух поселках у нас 12 тысяч человек. Организовали кружки, клубы, наши боксеры вошли в первую горняцкую лигу. Хотим построить дом отдыха для горняков в Кринице...

В Турове встретил я старого силезского горняка — интернационалиста, борца против фашизма Конрада Душу. Он участвовал в силезских восстаниях 1920 и 1921 годов, воевал против гитлеровцев, попал в лапы гестапо, был в концлагерях Дахау и Равенсбрюке, откуда его освободили советские войска. В 1945 году вернулся на шахту — и бывают же повороты судьбы! — назначили Душу комендантом лагеря немецких военнопленных, которые работали на шахте.

— Ну и как? — спрашиваю.

— Да что говорить: разве кто-нибудь обращался с бывшими офицерами и солдатами вермахта так, как с нами обращались в Дахау. Нет, даже сравнивать невозможно!

А время было нелегкое, надо было охранять предприятия, Душа создавал милицию, организовал партийную ячейку, был ее секретарем, и снова работал на шахте. Проработал в Турове 21 год, теперь — на пенсии, председатель организации ветеранов войны, борцов за свободу и демократию. Три сына — горняки: один работает на шахте техником-механиком, второй — тоже здесь, а третий — техником на шахте в Опольском воеводстве. И уже есть семь внуков.

— Наверняка пойдут в горняки,— говорит старый рабочий.— Ведь деды наши были горняками...

Рабочая, горняцкая гордость силезцев! Тому, кто вырос в Донбассе или Кузбассе, хорошо понятна эта гордость и по-особому сладок дым силезских городов и поселков.

Собственно, в Верхней Силезии не так-то легко уловить, где один город и начинается другой: они слились в огромное жилое море с островами заводов, фабрик и шахт. Это один из самых густонаселенных районов страны.

Вот горняцкий город Забже. Тысячи людей на улицах, кончилась рабочая смена. Мы едем мимо Дома горняка. На красных полотнищах цифры — 50

и 25. 50 лет Великого Октября. 25 лет ПОРП. В этом рабочем городе большим звучанием наполнены лозунги, к которым мы так привыкли:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

«Мир и дружба между народами!»

Бурной была многовековая история Силезии. С конца X века она входила в состав польского государства, пережила пору феодальной раздробленности, подпадала под власть Чехии, снова возвращалась к Польше, была захвачена Пруссией. На протяжении веков в Силезии сохранялась польская самобытность, и все попытки «германизации» оказались тщетными.

Промышленный переворот середины прошлого века привел к бурному развитию горной, металлургической, текстильной промышленности, превращению Верхней Силезии в один из крупнейших индустриальных центров Европы. В борьбе за освобождение, за польскую Силезию все более активную роль играет польский рабочий класс. После выступлений 1848 года население добивается возобновления преподавания польского языка в верхнесилезских народных школах. Накал борьбы усиливается после первой мировой войны. В 1919, 1920, 1921 годах вспыхивают восстания, польское население требует безоговорочной передачи силезской земли Польше, и часть Верхней Силезии с городами Катовице и Сосновец возвращаются полякам.

На одной из центральных площадей Катовице стоит памятник в честь восставших силезцев — вы найдете снимок его в этой книге. Не спрашивайте, что изображено: может, крылья вырастают из земли, может, пламя вздымается в небо. Но только вы чувствуете могучий порыв, взлет, бурю — и это передает идею восстания, героической борьбы...

Часть Верхней Силезии перешла к Польше, остальная осталась под германским контролем. В последние дни августа 1939 года на радиостанции в Гливице гитлеровцы организовали антипольскую провокацию, которая послужила предлогом для вторжения Гитлера в Польшу.

Зеленый город Гливице. Где-то на окраине, среди садов и огородов, одиноко высится черная башня —

радиомачта. Только подъехав к ней, мы обнаруживаем, что она не металлическая, а деревянная. Стоит, забытая всеми,— немой свидетель преступления, учиненного по повелению «фюрера».

Как только гитлеровцы оккупировали Польшу, Силезия была включена в состав третьего рейха. И снова силезские рабочие поднялись на борьбу, гибли на виселицах и в концлагерях, но верили в победу.

Стремительными ударами Советская Армия разгромила гитлеровцев и освободила Силезию, которая стала неотъемлемой частью народной Польши.

С тех пор преобразилась силезская земля. Выросли новые заводы и шахты, институты, целые города, выросло новое поколение строителей социализма. Конрад Душа передает эстафету сынам и внукам. У силезцев — большие планы, для успеха дела им нужен мир, и в дымных силезских городах твердо звучит призыв:

«Граница по Одру — Нисе — граница мира!»

Граница мира.

Мы все еще в Згожельце, и я снова смотрю на мост через Нису. Пожалуй, самое неожиданное на этой границе — дети, школьники. Сидят на пограничном шлагбауме, бегают по школьному двору у самой реки. Это згожельская школа № 1, может быть, единственная школа в мире, расположенная на самой границе. Наверное, мир стал бы другим, если бы на каждой границе была школа.

Нет, я не могу не зайти сюда, хоть нас никто и не ждет.

Занятия кончились, но учителя еще не разошлись. Охотно рассказывают о школе, о себе.

До войны в этом здании была почта. 15 сентября 1945 года здесь открылась первая в Згожельце школа, в которой учились на польском языке. Теперь в школе 20 классов, 900 учеников, около 30 учителей.

Директор работает в школе уже 22-й год. Сейчас его нет: несмотря на свои годы, учится на педагогическом факультете в Кракове, поехал сдавать экзамены. А с преподавателем физики и математики можете познакомиться. Был воином II Польской армии, прошел с Люблинщины до Лабы, после войны был

первым комендантом пограничной заставы. Молодой учитель польского языка и литературы рассказывает, что в школе учат немецкий язык, а в педагогическом институте на той стороне — польский, и молодые немецкие учителя проходят практику в згожельской школе. По вечерам сюда приходят на курсы молодые польские рабочие с электростанции и шахт — для них организованы курсы повышения квалификации.

«Было бы интересно отправиться через мост, на ту сторону»,— думал я. Но нас ждали во Вроцлаве, и пришлось покинуть Згожелец.

И все-таки я побывал в Гёрлице.

Немецкие друзья пригласили меня на несколько дней в Берлин, и в один из этих дней мы отправились на Нейсе — только с другой стороны.

Гёрлиц показался давно знакомым. В старинном здании ратуши нас встречал бургомистр. Им оказалась Ульрихе Хюбнер — молодая энергичная женщина, экономист по образованию. Она с охотой рассказывала о городе, в котором живет и работает больше десяти лет.

— Это типичный индустриальный город с населением около 90 тысяч,— говорит Хюбнер.— Крупнейшее наше предприятие — вагоностроительный завод. Есть также у нас машиностроительный и электротехнический заводы, завод конденсаторов, известное во всем мире предприятие, производящее оптические приборы, пошивочная фабрика и другие предприятия — народные, смешанные и частные — всего около ста. Наш город — туристский центр не только для граждан ГДР, но и для зарубежных туристов: через Гёрлиц лежит дорога в Польшу. Отношения между Гёрлицем и Згожельцем самые сердечные. И это выражается не только в обмене делегациями или в наших совместных праздниках. Это проникло в сознание жителей двух городов мирной границы.

В Гёрлице 15 школ, экономический институт. Ульрихе Хюбнер рассказывает о планах расширения города, не без гордости показывает нам кварталы новых аккуратных четырехэтажных домов под черепичной крышей, расположенных на зеленых холмах, новые детские сады, магазины.

По извилистому тенистому склону спускаемся к реке. Вот и знакомый пограничный мост. Слева от въезда на него здание Гёрлицкого дворца культуры, на котором висит большой плакат: «Да здравствует наша социалистическая Конституция!». Поляки идут в Гёрлиц, граждане социалистического германского государства — в Згожелец. Обычный день на мирной Нисе...

Боннский министр по делам перемещенных лиц фон Хассель шумит: «Мы не можем просто примириться с нынешним положением».

Напрасный шум.

Нет вопроса польско-германской границы. Этот вопрос решен раз и навсегда. Есть вопрос войны и мира, вопрос безопасности в Европе. Западная Германия притязает на чужие земли. Именно в этом главный источник напряженности на континенте, с какими бы «миролюбивыми» речами ни выступали руководители ФРГ. Не раз говорилось: если в Бонне действительно хотят улучшать отношения с соседями на Востоке, там должны безоговорочно признать незыблемость послевоенных границ, в том числе и границы по Одеру — Нейсе, признать флаг существования двух германских государств, отказаться от притязаний на ядерное оружие.

Всякий иной курс может лишь привести Западную Германию на опасный путь авантюр, последствия которых нетрудно предвидеть.

ВРОЦЛАВСКИЕ ЭНТУЗИАСТЫ

С Вроцлавом можно познакомиться различными путями.

Можно сесть за книги и узнать о древней истории города на Одере; о попытках пястовских князей в период феодальной раздробленности объединить страну; о том, какую большую роль играл Вроцлав на перекрестке торговых путей из Руси на Запад и с Юга к Балтийскому морю; как увял этот город под властью Пруссии; как стала развиваться его промышленность в середине прошлого века; как он превратился в один из крупных революционных центров.

Если пойти по улицам Вроцлава, можно увидеть уникальные костелы, знаменитый университет, удивительную по красоте ратушу на Рынке, Грюнвальдский мост, крупнейшую библиотеку «Оссолинеум», зияющие раны войны и новые кварталы, вставшие из пепла.

Все можно прочитать и посмотреть, но если вы хотите познакомиться с Вроцлавом по-настоящему, лучше всего побеседовать с его мэром Болеславом Ивашкевичем. Это говорили мне еще в Варшаве, и я только могу подтвердить справедливость сказанного.

У Ивашкевича не совсем обычная для мэра профессия: он математик, профессор. Родился в Киеве, юношей уехал в Варшаву, жил там в период между войнами, а в 1945 году прибыл во Вроцлав. Преподавал в Политехническом институте, когда его избрали мэром.

— Да, вот так и случилось,— рассказывает он.— Думал, буду в мэрии три года, а вот уже прошло десять. Что же рассказать вам о нашем городе? Вроцлав — польский город с тысячелетней историей. Но за последние пять веков многое выпало на его долю. Он был под властью Габсбургов, потом Пруссии. Однако до конца XIX века здесь был польский язык, до 1914 года выходили польские газеты, на польском служили в костелах, пока Гитлер не запретил. До войны в городе проживало 600 тысяч жителей. В январе 1945 года гитлеровцы объявили город крепостью. Мэр протестовал — его расстреляли на Рыночной площади. Осада города длилась три месяца. Немцы систематически разрушали его. Они снесли многие кварталы, чтобы сделать в городе аэродром — теперь это Грюнвальдская площадь. Примерно 70 процентов города было уничтожено: южную часть снесли почти полностью. Первые переселенцы прибыли сюда в День победы — 9 мая 1945 года. Сейчас население около полумиллиона человек, больше половины из них родились после войны. Мы построили уже более пятидесяти школ, но каждый год число идущих в школу превышает число оканчивающих ее на 7 тысяч человек и возникают новые трудности.

Что значит быть математиком: профессор держит

в голове невероятное количество цифр — сколько стоят квартиры, сколько частных домов, сколько открыто клубов, сколько создано новых предприятий, сколько прочитанных книг приходится на тысячу жителей и т. д.

До 1953 года вроцлавцы восстанавливали и строили заново промышленные предприятия, потом принялись за город. Реставрировали многие исторические памятники, возвели новые кварталы. Есть альбом: одни и те же здания, улицы, площади сняты такими, какими они были в 1945 году и какими они стали в 1965 году,— панораму города, снятую с одной и той же точки через 20 лет, вы найдете и в этой книге.

20 лет преобразили город. И это было нелегко. Его не просто восстанавливали, его перестраивали. Были кварталы, где дома занимали 90 процентов земли — и только 10 процентов отдавалось «воздуху», зелени. Эти каменные дебри пришлось расчищать. Городу не хватало воды — приступили к строительству нового водохранилища. Приходится реконструировать все подземное хозяйство. Трудно с уличным транспортом, не хватает трамваев и автобусов. Одним словом, проблем хоть отбавляй, и мэру приходится заниматься абсолютно всем. Но он не забывает о главном.

Быстрое развитие народного хозяйства, новые большие планы требуют квалифицированных кадров, и мэр-профессор уделяет особое внимание научному и культурному росту города. Во Вроцлаве, где до войны были два вуза, теперь восемь высших учебных заведений, десять научно-исследовательских институтов, десять научных обществ, и город стал третьим, после Варшавы и Кракова, научным центром страны.

— Сейчас во Вроцлаве научных работников больше, чем было студентов до войны,— говорит Болеслав Ивашкевич.— Город — крупный промышленный центр, причем годовой прирост промышленной продукции — 10 процентов — выше, чем в среднем по стране. Это результат труда наших рабочих, а также тесного сотрудничества между предприятиями и научными центрами. Видите ли, население у нас

молодое, молодые рабочие ищут опыта у старших коллег, обращаются за содействием к ученым. На заводах стали создаваться научные советы, институты занялись решением проблем, которые стоят перед производством. Например, важное дело для нас — добыча бурого угля; вы были в Турове — в Политехническом институте занялись вопросами создания оборудования для открытых разработок. Молодой завод электронно-счетных машин «Эльвро» тесно сотрудничает с математиками нашего университета. У нас преподает один известный математик, его идея — сотрудничество между математикой и металлургией, математикой и сельским хозяйством, и даже математикой и юриспруденцией...

— А вы преподаете, профессор?

— Да, я читаю лекции с половины восьмого до девяти утра, потом уже надо заниматься городскими делами.

Мэр — профессор — член воеводского комитета партии, депутат сейма, член исполкома Всемирной федерации породненных городов, главный редактор научного журнала «Математика». Мне остается задать лишь один вопрос:

— Когда вы отдыхаете?

— Во время заседаний,— шутит профессор.

Прощаемся с мэром, а в приемной его ждут новые посетители: дела, дела...

Во Вроцлаве — ряд крупных промышленных предприятий, заводов: вагоностроительный, турбиностроительный и другие. Но, пожалуй, особенно гордятся здесь заводом «Эльвро» — одним из пионеров польской электроники. Рождение этого завода электронно-счетных машин само по себе любопытно. Он не был предусмотрен планом капиталовложений. Но вроцлавские организации, опираясь на опыт варшавских и вроцлавских ученых, предложили построить завод, и в 1960 году он стал реальностью. Сейчас здесь работает 3800 человек, стоимость продукции в 1968 году составит 1700 миллионов злотых.

Огромные современные корпуса, двор, засаженный цветами, просторные, полные света цехи. Мы проходим по заводу, и директор Стефан Рыльский рассказывает о каждой новой модели электронно-

счетной машины «Одра» так, будто речь идет о его собственных детях. Он знает не только все их достоинства и недостатки, но помнит, сколько и куда было продано машин, на каких выставках они побывали, что о них говорили. Начали здесь с машины, производящей тысячу операций в секунду, делают машины до 100 тысяч операций, а проектируют машину, которая будет производить миллион операций в секунду.

Я прошу директора рассказать о себе.

— Мне легче говорить о наших людях,— отвечает он.— Нынче у нас работают 320 человек с высшим образованием. Есть несколько кандидатов наук — у нас они называются докторами. Ну, а среднее или неполное среднее образование — у большинства, многие учатся. Ведь народ молодой: средний возраст работающих — 25 лет. Это те, кто вырос здесь, во Вроцлаве. Конечно, есть партийная организация, молодежная организация, клуб, дом культуры, дом отдыха на Балтийском море.

Секретарь партийной организации добавляет, что на заводе 500 членов ПОРП, столько же членов Социалистического союза молодежи, 600 человек учится, повышает квалификацию. Он рассказывает о большой работе в связи с 50-летием Октября, о растущем интересе к СССР, замечает:

— Здесь много специалистов, которые учились в Советском Союзе.

У вроцлавцев, как и у гданьцев или щецинцев,— большое чувство патриотизма. Но у жителей и руководящих работников фабричного района города — еще особый, так сказать, районный патриотизм. И секретарь райкома сообщает нам, что район дает 48 процентов всей промышленной продукции Вроцлава. Директор «Эльвро» подчеркивает: район — самый крупный не только в городе, но и во всем воеводстве, 17 процентов жителей его — члены ПОРП, молодежная организация — самая большая. Все горды тем, что фабричный район — рабочее сердце Вроцлава.

Мне все-таки хочется узнать что-нибудь о самом Стефане Рыльском. Родился он в 1925 году, двадцатилетним парнем приехал во Вроцлав, работал на

железной дороге, послали учиться, стал инженером, с 1963 года на заводе. Вот и все. Секретарь парторганизации добавляет: директор беспартийный, но активист, энтузиаст, много работает в Обществе развития западных земель, много сделал для того, чтобы Вроцлав стал центром электронной промышленности.

Тогда я прибегаю к помощи коллег — вроцлавских журналистов, и вот передо мной, так сказать, письменная характеристика под названием «Инженер Стефан Рыльский — положительные и отрицательные черты». Привожу ее:

«Во Вроцлаве говорят: если бы не было Рыльского, в городе не было бы телевидения. Наверное, оно было бы, но значительно позже. Инженер Рыльский основал и ряд лет руководил общественным комитетом по созданию телевидения в Нижней Силезии. Его необыкновенная настойчивость, умение организовать работу, ладить с людьми позволили в очень короткий срок построить на горе Шленза передаточную станцию и телевизионную вышку. Гору Шленза когда-то называли «святой горой славян», и раскопки подтвердили существование там славянского поселения. А теперь там — телевидение. Несколько лет инженер Рыльский жил на горе, и даже в паспорте его место жительства указывалось просто «гора Шленза». Он был одним из тех, кто жил там постоянно, даже не навещая семью во Вроцлаве, пока новый телецентр не стал на ноги.

Он — хороший организатор, гостеприимный человек, любит сам знакомить гостей с заводом. Друг молодежи. Полагается на молодежь, любит сотрудничать с молодыми, и возраст работающих на «Эльваро» — самый молодой.

Его недостатки? Главный недостаток — все хочет сделать сам. Но в сутках только 24 часа. Рыльский пытается сделать больше, чем возможно. Сам хочет знать, как дела с планом, как отправляют машины за границу, сам участвует во всех заседаниях конструкторов, сам готовит материалы к этим заседаниям»...

— А теперь побываем в нашем вроцлавском «Ватикане»,— сказали польские друзья, и мы отправились на Тумский остров, откуда, собственно, по-

шел Вроцлав. Еще в середине X века здесь был «грод» князя Мешко I из династии Пястов. Князь принял христианство, а его наместник, Болеслав Храбрый, создал независимую от Германии церковную организацию, подчиненную непосредственно папе римскому. На протяжении веков католическая церковь играла существенную роль в сохранении польской самобытности, и в этом, несомненно, главная причина влияния церкви по сей день.

Центр Тумского острова — знаменитый кафедральный собор св. Яна, как здесь запанибрата зовут Иоанна Крестителя. Это величественное сооружение было построено в XIII—XIV веках, подверглось сильному разрушению во время войны, сейчас в основном восстановлено. Неподалеку находится костел св. Креста и другие храмы — замечательные памятники готического зодчества. Тут же старинные дома, среди которых — резиденции вроцлавского архиепископа. Впрочем, с названием «вроцлавский архиепископ», кажется, не все в порядке, и тут нам придется коснуться некоторых проблем польской церкви.

Вопросы вероисповедания в Польше урегулированы конституцией Польской Народной Республики 1952 года. В ней предусматривается отделение костела от государства и обеспечение принципов свободы совести и вероисповедания.

Польские друзья рассказывают, что подавляющее большинство духовенства лояльно относится к государству. Однако некоторые лица из высшего руководства костела пытаются вмешиваться в государственные дела, претендуют на роль некоего «государства в государстве». В польской печати не раз говорилось о том, что эти лица добиваются влияния на школу и весь аппарат просвещения, на здравоохранение, законодательство, на науку и культуру, пытаются «охристианить» эти области жизни, поставить на них клеймо религии, распространить на них свое идеологическое влияние. Это, естественно, не может не вызвать протеста и отпора.

Меня интересовал вопрос, какую позицию занимает костел в отношении западных и северных земель, границы по Одеру — Нисе. Выяснилось, что вроцлавский архиепископ Болеслав Коминек еще в

1966 году дал интервью западногерманскому телевидению, в котором, отвечая на вопрос, может ли граница по Одеру — Нисе быть предметом обсуждения, решительно заявил:

— Ни в коем случае, ни в коем случае. Что касается границы по Одеру и Нисе, то она существует уже 20 лет — я так скажу — волей всего польского народа. Каждый думает так, как я говорю сейчас: граница по Одеру и Нисе не может быть изменена, потому что составляет для польского народа проблему его существования. И этого взгляда придерживаются как коммунисты, так и польские епископы, и католики вообще, а также польская эмиграция. Такой взгляд основывается на полном единодушии. То же самое относится и к Потсдаму. Потсдамский договор был для Польши положительным мирным решением.

Скажу прямо, заявление архиепископа мне понравилось и я бы вполне удовлетворился им, если бы не выяснились некоторые дополнительные обстоятельства. Я прочитал в «Глосе Щецинском»:

«Территориальная система костельной администрации земель на Одере, Нисе и Балтике была определена в конкордате, заключенном Ватиканом с Пруссией в 1929 году, а затем подтвержденной в конкордате с гитлеровской третьей империей в 1933 году. Сегодня нет уже ни Пруссии, ни третьей империи, но несмотря на это Ватикан вместе с боннским правительством считают оба конкордата действующими. На территории ФРГ существует до настоящего времени что-то вроде эмигрантской костельной администрации, объединяющей католических — духовных и светских — переселенцев с польских западных земель. Она организована на основе существовавшего в вышеупомянутых конкордатах территориального деления — бывших восточных немецких епархий. Немецкие епископы сохранили все формальные канонические и правовые полномочия по осуществлению костельной власти в Западной и Северной Польше, а польские епископы, находящиеся на этой территории и осуществляющие на ней фактическую костельную власть, не имеют положенных им канонических полномочий. Это влечет за

собой ряд последствий. Например, польские епископы из Вроцлава не могут употреблять титула «вроцлавские епископы». Они рассматриваются как подсобные епископы варшавско-гнезненской архиепархии, проводящие миссионерскую деятельность среди польского населения, проживающего на территории германского государства».

Вот тебе и на, думал я, глядя на службу в кафедральном соборе св. Яна, оказывается, польские епископы всего лишь «миссионеры» на собственной земле!

В Польше мне говорили, что ватиканские карты не признают окончательно сложившихся после второй мировой войны границ в Европе. Еще в 1950 году, в соглашении, заключенном между польским государством и костелом, епископат констатировал, что «как экономическое, историческое и религиозное право, так и историческая справедливость требуют, чтобы воссоединенные земли навсегда принадлежали Польше». Епископат обратился в Ватикан с просьбой, чтобы существующая костельная («миссионерская»!) администрация на западных и северных землях Польши была заменена на ординарные епископства. Результатов нет. То ли Ватикан не считается с польским епископатом, то ли польский епископат прилагает недостаточные усилия, чтобы добиться справедливого решения, но, как говорят, воз и ныне там. Это вдохновляет боннских реваншистов.

Итак, «вроцлавский архиепископ» для Ватикана не является таковым, и я хотел выяснить подробности положения с самим Болеславом Коминеком. Мы позвонили в его канцелярию, изложили ксендзу-канцлеру просьбу: не смог бы архиепископ принять советского корреспондента? Ксендз-канцлер ответил, что он не может решить такой вопрос без консультации с вышестоящими лицами. Через некоторое время последовал его окончательный ответ: архиепископа Коминека нет во Вроцлаве. А жаль...

Тогда мы отправились в клуб журналистов. Клуб занимает нижний «магазинный» этаж нового здания. Вроцлавские журналисты создали и оборудовали его сами. Есть тут и кинозал, и телевидение, и бар — как же без него. В клубе проводятся доклады, дискуссии,

собрания — это центр общественно-политической работы. У окна стоит хитрая машина: два вертикальных цилиндра перематывают рулон белой бумаги, и каждый может написать здесь свои пожелания, замечания, шутливые стихи: перманентная стенгазета.

Во вроцлавском союзе журналистов — 180 человек; каждый платит ежемесячный взнос в 20 злотых; шесть из них отчисляются в «смертный фонд» — для помощи семьям умерших журналистов. Что поделать, неумолимая статистика ООН показывает, что журналисты занимают первое место по смертности, и лишь 20 процентов газетной братии доживает до пенсионного возраста. Заманчивая голубая жизнь выпадает на нашу долю только в пьесах советских классиков или в иных двухсерийных кинофильмах.

Побывали мы и в Политехническом институте Вроцлава. До войны здесь был немецкий институт, в котором обучалось 600 студентов. В польском Политехническом — 6200 студентов на дневном отделении, 3000 — на вечернем и заочном. За послевоенные годы создан большой, энергичный коллектив научных работников, построены новые учебные корпуса, лаборатории, студенческие общежития — все это потребовало больших усилий.

Мы беседуем с профессором-доктором Анджеем Кордецким, проректором института. О чем могут беседовать два успевших поседеть отца семейств? Конечно, о нынешней молодежи. И как это не интересно молодым, можно видеть по скучающему виду моего испытанного гида Витольда. Я его понимаю.

— Какая теперь молодежь, спрашиваете вы? — говорит проректор.— Другая, по сравнению с той, что была сразу после войны или 10—15 лет назад. После войны студенты были старше. Они пришли на первый и на четвертый — пятый курсы; второго и третьего курсов не было вообще. Кто-то учился до войны; все пережили войну, вышли из нее, закаленные духом. Теперь студент — прямо из школы. Жизненного опыта, конечно, нет. Уровень образования высокий, но разница в нем все же есть. В сельской местности школы хуже, уровень знаний крестьянской, да и некоторой части рабочей молодежи ниже, чем уровень знаний выходцев из интеллигенции. Поэто-

му при приеме в институт мы установили для выходцев из рабочих и крестьян добавочные, льготные пункты. Это дает возможность увеличивать число принимаемых рабочих и крестьян, но выходцы из интеллигенции все еще составляют больше 55 процентов наших студентов, и в этом есть отрицательные стороны.

— Ну, а как с проблемой отцов и детей? — спрашиваю я.

— Видите ли,— отвечает Кордецкий,— если эта проблема существует, то считаю, что виновны в этом прежде всего родители. Они пережили тяжелое время и хотят дать детям все, чего не имели сами, избавить их от каких бы то ни было трудностей. А результат получается совсем иной: какая-то часть молодежи считает, что ей надлежит получить все готовеньким, что ей должны все дать, своей ответственности перед обществом она не чувствует. В таких условиях некоторые поддаются чуждым влияниям. Это и создает проблему. Однако молодежь быстро меняется. Те, кто сегодня защищают диплом,— совсем иные люди, чем были на первом — втором курсах. Растет чувство ответственности, понимание долга. Мы довольны оканчивающими институт, на предприятиях на них не жалуются...

Потом мы долго беседуем с Витольдом. Ему 26, окончил университет, поступил в аспирантуру, поглощен своими научными проблемами. Недавно женился, получил небольшую квартиру, купил автомобиль-малютку. Работает с увлечением, много планов на будущее.

— А что думаете о войне?

— Если честно сказать,— отвечает он,— не задумываемся над этим. Что думать, ведь если война, то ядерная, а тут думай не думай — раз! — и готово. В мире накоплено столько ядерных бомб, что это позволяет, мне кажется, не думать о последствиях войны.

— А Вьетнам? Война без ядерных бомб? Непрерывные — «простые» бомбежки, артобстрелы, мины, танки, окопы, траншеи, разве не может случиться так? И воевать — прежде всего вам. Вы к этому готовы?

Парень молчит. Потом говорит:

— Надо будет,— будем защищать свою землю и наше дело. Не хуже других.

В СЕРДЦАХ ПОТОМКОВ

Вот и закончилось короткое путешествие.

Дружеские встречи в Варшаве, теплые проводы, возвращение в Москву.

Уже опубликованы в газете очерки о польских землях, получены письма из Зелёна-Гуры, Щецина, Гданьска. Завершена работа над этой книгой.

Время идет, и новые события захватывают нас.

Люди прогресса повсюду торжественно отметили полувековой юбилей Великого Октября, воздавая должное грандиозным успехам Страны Советов, ее ленинской политике мира, дружбы и сотрудничества между народами.

Коммунисты, верные принципам пролетарского интернационализма, сплачивают антиимпериалистические силы в борьбе против агрессии, за мир, демократию и социализм. Сегодня это необходимо больше, чем когда-либо.

Американские бомбы рвутся во Вьетнаме. Соединенные Штаты, развязав войну на вьетнамской земле, получили войну в американских городах, и дым пожарищ застилает не только вьетнамское, но и американское небо. Меняются министры, могут смениться и президенты, но нет и не будет победы правящей Америки ни в одной из этих войн.

Неспокойно на Ближнем Востоке. Израильские экстремисты, за спиной которых США и международный сионизм пытаются аннексировать захваченные арабские земли, продолжают авантюристическую политику, не считаясь с интересами израильского народа.

Западногерманские неонацисты лихорадочно подсчитывают голоса в ландтагах и рвутся к федеральному кормилу власти. Поощряя реваншистский «дранг нах Остен», боннские сирены в то же время поют о «новой восточной политике».

В Греции, Испании, Португалии вешают и расстре-

ливают демократов, а на буржуазном идеологическом базаре в это время сбывают на экспорт «демократию», «либерализацию», «свободы». Кое-кто из европейцев, попутав революцию с реставрацией, польстился на прогнивший товар. Люди, будьте бдительны!

Майские салюты неизменно напоминают о последних днях войны, о Победе, добытой такой дорогой ценой, о тех, кто не дожил до Победы.

И сердце, и память ведут меня на берега Одера.

Знамя Победы уже взвилось над рейхстагом, а в Бреслау еще продолжались ожесточенные бои. Гитлеровский гарнизон капитулировал лишь 6 мая 1945 года.

Древний Вроцлав походил на гигантское пепелище. Мы легко могли представить его себе, вспомнив Сталинград 1942 года. Все, что натворили оккупанты от Волги до Одера, было чудовищным проявлением гитлеровской политики уничтожения и истребления, мрачным символом «нового порядка» — самого отвратительного изобретения старого мира. И все, что восстановлено и создано вновь от города на Волге до города на Одере,— это символ жизнеутверждающего нового мира — мира социализма, границы которого ныне далеко за Одером.

Социализм принес Польше огромные перемены в экономическом и культурном развитии, выдвинул ее в число влиятельных европейских стран, к чьему голосу прислушиваются на международной арене. Что говорить, многие проблемы еще не решены, и многое еще предстоит сделать польскому народу, но прогресс социалистического польского государства поистине знаменателен.

Первостепенное значение для судеб Польши имеет возвращение ее исконных земель по Одеру, Нисе и Балтийскому побережью, отторгнутых германскими захватчиками. Нынешняя территория Польши — это историческая польская территория, сложившаяся еще в XI веке.

Во Вроцлаве, колыбели Пястов, может быть, острее, чем где бы то ни было, ощущают, что возвращение северных и западных земель — это самая крупная победа, которую одержал польский народ за

всю тысячелетнюю историю своего государства. И то, что сделано на этих землях за послевоенные годы,— свидетельство творческого гения польского народа, его самоотверженности и целеустремленности.

Советские люди, прошедшие трудный путь восстановления и строительства своей страны, знают, каких усилий и жертв требует это. Людям из Западной Европы и Америки, иной раз даже друзьям, нелегко понять всю сложность проблем, которые приходится решать полякам. Тем более, что враждебная пропаганда делает свое дело.

Но правда прорывается через все преграды.

Вроцлавские друзья рассказали мне историю с одним западногерманским журналистом. Наслушавшись всякого о том, что делается за Одером, он решил убедиться во всем своими глазами и отправился во Вроцлав. Польские хозяева терпеливо показывали гостю все, что он желал увидеть,— и новые кварталы, и школы, и предприятия,— одним словом, все. В конце концов гость сказал:

— Вы показали мне все, спасибо. Теперь покажите мне, где тут у вас русская военная база.

— Хорошо,— сказали поляки и привезли его в Кшики, на кладбище советских воинов, погибших в боях на Одере.

— Вот она, русская военная база!

Что сказал западногерманский гость, я не знаю. Да это и не важно.

Польский народ свято чтит память советских и польских воинов, павших смертью храбрых в сражениях с гитлеровскими захватчиками.

Никто не забыт и ничто не забыто.

Кшики, улица Польско-советской дружбы, кладбище воинов Советской Армии.

Замерли в вечном строю мраморные надгробья с красными звездами.

Я иду сквозь этот печальный строй и будто слышу на вечерней поверке:

— Старший лейтенант Бронников Петр Федорович...

— Лейтенант Евсеенко Василий Игнатович...

— Старший лейтенант Бацула Яков Демидович...

— Лейтенант Грибов Василий Иванович...

— Младший лейтенант Пластыник Дмитрий Иванович...

Сотни имен — русских, украинских, белорусских, грузинских, армянских, узбекских — кажется, сражались тут все народы наши. Знают ли отцы и матери в Москве и Хабаровске, в Мурманске и Севастополе, в Алма-Ате и Норильске, где лежат их сыны, и придут ли они когда-нибудь к этим родным и, может, еще не найденным могилам?

От имени тех, кто нашел могилы незабвенных, и от имени тех, кто не нашел их, да будет позволено мне передать земной поклон героям.

Я вижу, как в вечерних сумерках мои молодые польские друзья стоят в молчании перед братской могилой советских солдат и читают перефразированные кем-то горьковские стихи, начертанные на обелиске:

И капли крови
горячей вашей
как искры вспыхнут
в сердцах потомков
призывом гордым
к свободе, к свету...

Танки, что прошли неблизкий путь от Урала до Одера, застыли у ворот кладбища, и под их дулами мальчишки, несмотря на поздний час, исступленно играют в футбол. Мальчишки, к счастью, не знают, что такое война.

Но забывать молодому поколению о войне, обо всем, что связано с ней, никак нельзя.

В 20-ю годовщину победы над гитлеризмом Владислав Гомулка говорил на торжественном заседании во Вроцлаве:

«Сегодня, на пороге нового двадцатилетия западных земель, полностью и навеки сросшихся с матерью-родиной, мы вверяем этому молодому поколению великое дело продолжения того, что начали их отцы, — дело построения величия и могущества Польши на ее землях по Одре, Нисе и Балтийскому побережью.

Пусть молодые поколения народной Польши никогда не забывают, что за возвращение этих земель

к Польше их отцы вместе со своими боевыми союзниками — польскими и советскими воинами — пролили море крови.

Сегодня, в двадцатую годовщину Дня победы, мы склоняем головы перед их могилами.

Со всей сердечностью мы обращаем свои мысли к Советскому Союзу, которому мы главным образом обязаны свободой и независимостью нашей родины, возвращением наших западных и северных земель. Вечная братская дружба польского народа с великим советским народом и неразрывный польско-советский союз, новым подтверждением которого стал Договор о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве между Польшей и Советским Союзом от 8 апреля с. г. *, гарантируют безопасность Польши, неприкосновенность границы польского государства по Одре и Нисе-Лужицкой».

Годы идут, и молодое поколение продолжает дело отцов.

Во Вроцлаве родилось движение сторонников мира: здесь, в здании Политехнического института, в 1948 году проходил Всемирный конгресс деятелей культуры в защиту мира — первый конгресс сторонников мира. Один из вроцлавских журналистов вспоминал:

— На этих ступеньках впервые встретил я Фадеева, Шолохова, Жолио-Кюри, Пикассо, Эренбурга...

Конгресс заседал в большой аудитории института. Потом состоялся многотысячный митинг в огромном народном зале, и призывы первого форума борцов за мир разнеслись по всем континентам.

Многое произошло на белом свете с тех пор, но человечество по-прежнему волнует главный вопрос: мир или война? Память о тех, кто пал в войне против гитлеризма, требует от новых поколений сплотить ряды в борьбе за мир и будущее человечества.

---

* 1965 год.— *Прим. ред.*

СОДЕРЖАНИЕ

Маевский Виктор Васильевич

В ЗЕМЛЯХ ПОЛЬСКИХ

Редактор *И. С. Динерштейн*

Художник *Н. Н. Симагин*

Технический редактор *А. И. Данилина*

Сдано в набор 29 июля 1968 г. Подписано в печать 30 сентября 1968 г. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 7,98. Учетно-изд. л. 7,33. Тираж 26 тыс. экз. А 09827. Заказ № 1611. Цена 33 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

33 коп.

0-29

